

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 5 (51) 2014

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Араш Голандам Карим – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Иран).

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 15.11.14

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 7,8 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 1012.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева В. В.** Аллюзия на Библию в жанре короткого рассказа (на материале английского языка)7
- Глушкова Н. М.** Значение гендерного аспекта для лингвокультурного типажа «друг» в испаноязычной современной литературе.....13

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Карпова Ю. Н.** Иностраный язык как средство духовно-эстетического развития личности государственного служащего.....22
- Колчина Т. Ф.** Длительность, скорость демонстрации и время как темпоральные характеристики текста кинотитров29
- Никифорова Э. Ш.** Тактика конвенциональной вежливости как один из маркеров символичности судебного дискурса.....39
- Салихов А. Ю.** Типология дискурса. Дискурс ток-шоу.....44
- Сидоренко А. В.** Терминология детских игр (по материалам «Словаря советского детства»).....54
- Сивилля М. А., Король Н. Н.** Лингвокультурная компетентность в парадигме развития общества58

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Elona Ndoci** The question of “fidelity” and “transparency” to describe ways of translating.....63
- Suzana Samarhiu (Gjata), Aida Kurani.** A case study on the role of grammar in English second language acquisition.....71
- Mongilyova N.** Interpretation problem of the aesthetic information of the poetic discourse.....79
- Плескачева Я. С.** Лингвокультурологические особенности пословиц с зоонимами в английском, немецком и русском языках83
- Фомина Ж. В.** Сравнительные характеристики в понятийно-вербальном сознании носителей русской

и американской молодежи лингвокультур. Типы дефиниций	91
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
<i>Дьякова Т. В.</i> Волонтерство как часть учебного процесса в американской высшей школе	99
ЯЗЫК МАРКЕТИНГА	
<i>Булдыгина Л. М., Равочкин Н. Н.</i> Социальное страхование, как одно из направлений развития корпоративной социальной ответственности: проблемы, тенденции, перспективы	103
<i>Усова Т. Е.</i> Эволюционная природа брендинга	108
<i>Селютин А. А.</i> Размышления об университете будущего	112
АННОТАЦИИ	117
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	122

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Afanasjeva V. V.** An allusion to the Bible in the genre of short story
(in English language)7
- Glushkova N. M.** The importance of the gender aspect
of the linguistic-cultural model “friend”
in Spanish contemporary literature13

LANGUAGE STUDIES

- Karpova Ju. N.** Foreign language as a means of spiritual
and aesthetic development of the individual civil servant.....22
- Kolchina T. F.** The length, demonstration speed and time
as the temporal characteristics of the film titles
text linguistics and translation.....29
- Nikiforova Je. Sh.** Conventional politeness tactics as one
of the indicators of trial discourse symbolism.....39
- Salihov A. Ju.** Typology of discourse. Discourse talk-shows44
- Sidorenko A. V.** Terminology baby games (based on materials
of “Dictionary of the Soviet childhood”)54
- Sirivlya M. A, Korol N. N.** Linguistic and cultural competence
in the paradigme of social development58

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Elona Ndoci.** The question of “Fidelity” and “Transparency”
to describe ways of translating63
- Suzana Samarxhiu (Gjata), Aida Kurani.** A case study
on the role of grammar in English second language
acquisition71
- Mongilyova N.** Interpretation problem of the aesthetic information
of the poetic discourse79
- Pleskacheva Ja. S.** Linguistic and cultural features of proverbs
with toonami in English, German and Russian languages83
- Fomina Zh. V.** Comparative analysis in conception-verbal
consciousness of Russian and American
youth linguistic cultures bearers. Definition types91

METODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Dyakova T. V. Volunteering as a part of curriculum
in American institutions of higher education99

ЯЗЫК МАРКЕТИНГА

Buldygina L. M., Ravochkin N. N. Social insurance as one
of the areas of corporate social responsibility:
challenges, trends, prospects103

Usova T. E. The evolutionary nature of branding108

Seljutin A. A. Reflections on the future of the university112

ABSTRACTS.....117

INFOMATION ABOUT AUTHORS.....122

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЛЮЗИЯ НА БИБЛИЮ В ЖАНРЕ КОРОТКОГО РАССКАЗА (на материале английского языка)

В. В. Афанасьева

Статья посвящена рассмотрению использования стилистического приема аллюзии, конкретно – аллюзии на библейские темы, в текстах коротких рассказов нескольких англоязычных писателей. Прием аллюзии рассматривается как в сильной позиции (в заглавии), так и в самом тексте рассказа. Предпринимается попытка интерпретации художественного текста в свете использования автором приема аллюзии.

Ключевые слова: стилистический прием, художественный текст, короткий рассказ, сильная позиция, заглавие, интерпретация текста, аллюзия на библейские сюжеты.

Стилистический прием аллюзии многогранен и представлен в ряде функциональных стилей, но в текстах художественного стиля, где все элементы подчинены исполнению замысла и передаче индивидуального мироощущения автора, он приобретает особое значение.

Аллюзия определяется как ссылка на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты [2. С. 176] и традиционно близка цитате, при этом для реализации стилистического приема принципиален факт отсутствия указания на источник цитирования.

Можно предположить, что аллюзия на Библию, так же, как и ее прямое цитирование в художественном произведении, стоит несколько особняком по сравнению с аллюзией на факты прочих групп, поскольку подобным приемом автор напрямую затрагивает духовно-нравственную составляющую бытия.

Аллюзия на Библию и ее цитирование может занимать разное место в пространстве художественного текста, и соответственно, иметь разное назначение. Рассмотрим сильную позицию текста –

позицию заглавия. «Заглавие – ключ к интерпретации... Восприятие задается им» [1. С. 241].

И. Р. Гальперин отмечает, что это компрессированное, нераскрытое содержание текста и цитирует А. П. Чехова: «вся суть... в названии книги». Интересна и связь названия с категориями проспекции и ретроспекции. Объективно – заглавие является выражением категории проспекции, но, в то же время, нельзя отрицать, что оно обладает свойствами ретроспекции, поскольку читатель в процессе чтения вновь обращается к нему, стараясь уяснить себе его смысл и соотношенность с содержанием текста [3. С. 133, 134]. Таким образом, между заглавием и текстом существуют особые отношения: открывая произведение, заглавие требует обязательного возвращения к нему после прочтения всего текста, основной смысл названия всегда выводится из сопоставления с прочитанным произведением [4. С. 170].

Заглавие произведения само по себе реализует различные интенции, как то: соотносит сам текст с его художественным миром (главными героями, местом действия и т.д.); выражает авторское видение мира, реализует его замысел как целостность, становясь первой интерпретацией произведения, данной самим автором; заглавие устанавливает контакт с адресатом и предполагает его творческое сопереживание и оценку [4. С. 170]. Что же заставляет автора уже с первого установления контакта с адресатом – с заглавия – выбрать аллюзию на Библию?

В жанре короткого рассказа мы обратимся к двум случаям такого авторского выбора. В рассказе *Nunc Dimitis* («Ныне отпускаеши») Р. Дал совершенно не касается церковной тематики, и никакой цитации Библии и повторения заглавия в самой структуре текста мы не наблюдаем. *Nunc Dimitis* – одно из названий рассказа, оно содержит аллюзию к Евангелию от Луки. К концу рассказа, который ведется от первого лица, рассказчик чувствует себя плохо и, как понимает читатель, но еще не осознает сам герой, скоро умрет. Интересный сюжет насыщенного эмоциями рассказа очень далек от ассоциаций, которые может вызвать название – будь то, например, духовность, нравственность или назидательность. Тем не менее, название символично, когда узнаешь его суть, и обращение к его растолкованию обязательно, может потому оно и дается на латыни, не в английском переводе. Это отрывок из песни Симеона, кото-

рому было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа. Симеон увидел в новорожденном Мессию, благодарит Бога за это, но автоматически это и предсказание смерти. Несмотря на такое непростое название, рассказ оптимистичен и во многом ироничен, что позволяет предположить эффект обманутого ожидания в самой тональности произведения.

Совершенно другую цель, очевидно, преследует Фланнери О'Коннор, называя свой рассказ *The Lamé Shall Enter First* («Хромые внидут первыми»). Заглавие напрямую связано с событиями рассказа, где присутствует хромой герой. Оно повторяется и в тексте произведения в качестве цитаты Евангелия от Луки. Рассказ в целом, по признаниям критиков, несет параллель с событиями, описанными в Библии. Таким образом, заявленная в названии тема логично раскрывается в самом произведении, автор поднимает морально-нравственную и церковную тематику.

Интересен с нашей точки зрения пример аллюзии не столько к тексту Библии, сколько к христианским понятиям, и цитация Ф. М. Достоевского в одном из самых известных рассказов Дж. Д. Сэлинджера *For Esme – with Love and Squalor* («Посвящается Эсме»). Это уже не сильная позиция заглавия произведения, но, тем не менее, это единственная цитата в рассказе, посвященном телесным и духовным мукам и спасению благодаря человеческой доброте и равнодушию. Можно сказать, что это один из эмоциональных фокусов рассказа:

Now for the third time since he had returned from hospital that day, he opened the woman's book and read the brief inscription on the flyleaf. Written in ink, in German, in a small, hopelessly sincere handwriting, were the words "Dear God, life is hell". Nothing led up to or away from it. Alone on the page, and in the sickly stillness of the room, the words appeared to have the stature of an uncontestable, even classic indictment.

Такое обращение к Богу, тот факт, что в третий раз за утро тяжело раненый солдат смотрит на эту одинокую надпись на книге, то, что в его состоянии он понимает ее неопровержимость, подталкивает его к ответному шагу, предпринятому с необычным рвением:

X stared at the page for several minutes, trying, against heavy odds, not to be taken in. Then, with far more zeal than he had done anything in weeks, he picked up a pencil stub and wrote down under the inscription, in English. "Fathers and teachers, I ponder 'What is hell?' I main-

tain that it is the suffering of being unable to love.” He started to write Dostoevski’s name under the inscription [...]

Прямую цитацию Библии мы наблюдаем и в коротких рассказах Дж. Вейна и Дж. Чивера. Рассказ *The Lifeguard* («Спасатель») Дж. Вейна посвящен истории молодого человека, который, работая спасателем в летний период, так хотел спасти кого-нибудь из тонущих, что попросил мальчика заплывать действительно далеко, в результате чего ребенок погиб. Герой обращается к Богу с просьбой о помощи. Слова «Помоги мне» выделены в тексте рассказа курсивом:

I didn’t know he had a weak heart, God. He didn’t even know it himself. He’d have said so, wouldn’t he? Then I’d never have suggested the idea. Is God angry with me? Am I wicked, a murderer? Thou shalt not kill. Tell that to the sea, God. It was the sea that killed him, sucked him under. Help me, he said. I’ll see his face every night. Help me.

Thou shalt not kill – герой цитирует заповедь, сохраняя исторический вариант грамматических форм, как принято в церковном языке. Это странное и внезапно проявляющееся в человеке сочетание благих намерений, жестокости и раскаяния, и тот факт, что жестокость возьмет верх, показывает, что процитированная заповедь и само обращение к Богу не случайность, а попытка героя и стоящего за произведением автора, переломить характер – попытка, которая не увенчается успехом.

Разительно отличается от описанного выше цитирование Библии в рассказе *The Death of Justina* («Смерть Жюстины») Дж. Чивера. Цитирование присутствует в самом финале – это своеобразный итог, черта, которую подводит герой в своей жизни. Рассказ многослоен, в нем переплелись житейские мелочи, трудности работы, в которых читатель может узнать себя, и жизнь американского общества как общества, сконцентрированного на сверхпотреблении и купле-продаже, не задумывающегося о чувствах вообще, о смерти и ее значении. Вот такое воззвание присутствует в рассказе после описания нелегальной и от того неловкой церемонии похорон:

How can a people who do not mean to understand death hope to understand love, and who will sound the alarm?

Рассказ заканчивается словами, которые, как может предположить читатель, говорил священник на похоронах, но на этот раз их пишет главный герой своему властному начальнику вместо опти-

мистичного рекламного текста, который тот заставлял его сочинять, несмотря на случившуюся в семье смерть:

The Lord is my shepherd; therefore can I lack nothing. He shall feed me in a green pasture and lead me forth beside the waters of comfort, He shall convert my soul and bring me forth in the paths of righteousness for his Name's sake. Yea, though I walk through the valley of shadow of death I will fear no evil for thou art with me; thy rod and thy staff comfort me. Thou shalt prepare a table before me in the presence of them that trouble me; thou hast anointed my head with oil and my cup will be full. Surely thy loving-kindness and mercy shall follow me all the days of my life and I will dwell in the house of Lord forever.

Мы можем предположить прием нарастания в сочетании с эффектом обманутого ожидания в таком финале рассказа, поскольку на его протяжении герой дает несколько вариантов рекламного текста, переходя от иронически-смешного к абсурдно-гротескному. Но этот финальный вариант, цитирующий надгробную молитву, совершенно меняет тональность рассказа. И, кроме того, он показывает принятое героем решение о демонстративном неподчинении боссу, что в американской действительности имеет серьезные последствия, и потому, адресованное американскому читателю, оно очень показательно.

Аллюзия на библейскую тематику и цитирование Библии используются писателями в присутствии им индивидуальном стиле и в разных целях. Картина мира, создаваемая автором, та содержательно-концептуальная информация, которая заложена в произведении, порой требует обращения к этому стилистическому приему. Считается, что семантическое пространство «дает возможность, и даже настоятельно требует, разных толкований» [3. С. 28]. Приемы аллюзии и цитирования помогают автору в создании такого многоголосия идей.

Список литературы

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. 464 с.

References

1. Babenko, L.G. Filologičeskij analiz teksta. Osnovy teorij, principy i aspekty analiza: Učebnik dlja vuzov. M. : Akademičeskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2004. 464 s.

2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит-ры на ин. яз., 1958. 459 с.
2. Gal'perin, I. R. Oчерki po stilistike anglijskogo jazyka. M. : Izd-vo lit-ry na in. jaz., 1958. 459 s.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2006. 144 с.
3. Gal'perin, I. R. Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovanija. M. : KomKniga, 2006. 144 s.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 256 с.
4. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij. M. : Akademija, 2003. 256 s.

**ЗНАЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА ДЛЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ДРУГ»
В ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Н. М. Глушкова

В статье рассматриваются теоретические основы связи между понятиями «язык и культурный тип» и «гендер», а также особенности выражения языкового и культурного типа «друг» в испанской литературе. В ходе анализа мы выделяем ряд характеристик для дружбы между представителями одного и разных полов.

Ключевые слова: языковой и культурный Тип, гендер, гендерный аспект.

Прослеживающиеся на данный момент тенденции к антропоцентричному, ориентированному на человека, подходу в лингвистике и к взаимопроникновению гуманитарных наук отразилось в развитии лингвокультурологии и лингвоперсонологии, а также разработке нового направления в лингвистике: теории лингвокультурных типажей [3; 4].

Согласно определению, заимствованному из работ В. И. Карасика, О. А. Дмитриевой, типаж представляет собой абстрактное ментальное образование, содержанием которого является типизируемая личность. В более конкретном смысле лингвокультурный типаж трактуется как узнаваемый образ представителя той или иной культуры, типизированный на основе социокультурных критериев, а также определенных специфических характеристик вербального и невербального поведения [4]. Лингвокультурный типаж представляет особую важность для аксиологического направления в лингвистике, поскольку отражает в себе закрепившиеся в социуме ценности, с одной стороны, и служит основой для формирования новых ценностных ориентаций в обществе, с другой [3].

В данной статье мы бы хотели осветить один из самых актуальных, но недостаточно изученных аспектов лингвокультурного типажа – гендерный аспект. В качестве материала для анализа мы

берем лингвокультурный типаж «друг», в котором этот аспект является относительно малоизученным, т.к. традиционно объектом исследования становится дружба между представителями одного гендера, и на основе этого сопоставляются особенности появления, развития и прекращения дружбы «женской» и «мужской». В то же время, в связи с современными тенденциями выравнивания социальных, семейных и личностных функций представителей разных гендеров, изучение именно разнополю дружки предоставляет богатый материал для развития гуманитарных наук, в том числе лингвистики и культурологии [5].

Прежде всего, важно обозначить, что в нашей работе под «гендером» мы понимаем научное определение, отражающее социально-культурные функции пола и отличающие их от функций исключительно биологических. В лингвистике и культурологии объектом изучения становится именно гендер, т.к. он воплощает структуру межличностного взаимодействия, помогает в анализе и описании женского и мужского как социальных категорий, принятых в данном обществе и в данный период времени [1; 2].

Проанализированный нам роман известного испанского писателя Карлоса Руица Сафона «Тень ветра» (“*La Sombra del Viento*”, Carlos Ruiz Safon) предоставляет нам краткий обзор личностных и привитых обществом взглядов на вероятность и особенности дружбы между людьми в зависимости от принадлежности их к определенному гендеру.

К. Р. Сафон в своем романе приводит несколько примеров отношения между разнополюми персонажами, которые могут иллюстрировать гендерный аспект лингвокультурного типажа «друг» испанского писателя. Прежде всего, глазами юного одиннадцатилетнего героя Даниэля мы наблюдаем его взаимоотношения с более взрослой, искушенной, но в силу физического недуга (слепота) более одинокой девушкой Кларой. В этом случае все окружающие понимают истинную природу общения – влюбленность мальчика, несмотря на его собственное определение и постоянное упоминание дружбы.

«– *La señorita Clara es lo más grande del mundo..., pero no está bien que el señorito se obsesione mucho con ella, si me entiende usted lo que quiero decir.*

– *No te preocupes, Bernarda, si sólo somos amigos.*»

В глазах горничной «дружба» мальчика тесно соединена с увлечением и влюбленностью («*se obsesione mucho con ella*»).

«*Si me hubiese parado a pensarlo, hubiera comprendido que mi devoción por Clara no era más que una fuente de sufrimiento. Quizá por eso la adoraba más, por esa estupidez eterna de perseguir a los que nos hacen daño*».

Главный герой также объективно оценивает и признает, что настоящая дружба редко сопровождается одновременно ревностью, страданиями («*una fuente de sufrimiento*»), безусловным поклонением («*devoción*») с одной стороны и бессознательным причинением мук с другой («*los que nos hacen daño*»).

Отцу девушки подобная дружба кажется безобидным увлечением («*Don Gustavo, ... veía con buenos ojos mi devoción por Clara y mi entusiasta entrega de acompañante. ... me consideraba inofensivo.*»), тогда как отец мальчика может сравнивать дружбу, существовавшую в жизни ребенка до этого, и затмившее все увлечение девушкой («*empezó a mostrar su clara desaprobación de mi relación con Clara*»).

«*Tendrías que ir con amigos de tu edad, como Tomás Aguilar, que lo tienes olvidado y es un muchacho estupendo, y no con una mujer que ya tiene años de casarse.*

—*¿Qué más dará la edad que tenga cada uno si somos buenos amigos? ...*

—*Daniel, tú no sabes nada de las mujeres, y ésa juega contigo como un gato con un canario*».

Для нашей работы актуально то, что аргументы, приводимые отцом против подобных отношений, характеризуют принятые в обществе стереотипы препятствий для дружбы. Прежде всего, это разница в возрасте («*Tendrías que ir con amigos de tu edad*»), различные этапы развития и коммуникативные цели («*una mujer que ya tiene años de casarse*»), нерегулярность общения («*Hacia meses que no salía por ahí con él, cuando antes habíamos sido inseparables*» - про прежнего друга), и, самое главное, неравноправие, в отношениях двух людей («*ésa juega contigo como un gato con un canario*»).

Глазами юного героя автор объективно выделяет главные критерии, которые должны характеризовать, по его мнению, любую естественную и продолжительную дружбу: возможность или невозможность развития личности обоих участников общения («*un*

camino sin salida»), комфорт либо дискомфорт в ежедневном общении («*se me hacía más difícil estar junto a ella*», «*sufrir el roce de sus manos*», «*casi un dolor físico*»), возможность либо боязнь открытого и честного диалога в проблемных ситуациях («*Nunca le dejaba acabar sus frases. Salía de la habitación con cualquier excusa y huía*»).

Другой представленный в романе пример дружбы между двумя детьми – Даниэлем Семпере и школьным приятелем Томасом Агиларом – в отличие от эмоциональных, но непродолжительных отношений с Кларой, – выдерживает испытание как временем, так и увлечением другим человеком, и в итоге становится классическим примером дружбы между людьми одного пола. В их отношениях можно отметить также ряд важных особенностей лингвокультурного типажа «друг»:

Автор упоминает случайный, непредсказуемый характер появления любых отношений. Но история приятельства мальчиков начинается не с внезапной симпатии и положительного впечатления («*Me limité a negar, incapaz de quitar la mirada de aquella criatura con tez de muñeca de porcelana y ojos blancos, los ojos más tristes que he visto jamás*»), а со случайной глупой шутки и последовавшей за этим драки, следы от которой не проходили неделю («*Se me ocurrió hacer una gracia imbécil sobre ella y, antes de que pudiese parpadear, Tomás Aguilar cayó sobre mí como un diluvio de puñetazos que me dejó varias semanas condolido*»).

Следующее важное отличие состоит во взаимной необходимости, потребности двух личностей друг в друге. Каждый из друзей имеет какое-то преимущество и недостаток, сильную и одновременно слабую сторону, которые успешно восполняются другим участником общения.

«*Observé a aquel gigante tímido y silencioso que vagaba por las aulas y pasillos del colegio como alma sin dueño. Todos los demás chavales –yo el primero– le tenían miedo, y nadie le hablaba u osaba cruzar la mirada con él. Con los ojos caídos, casi temblando, me preguntó si yo quería ser su amigo. Le dije que sí. Me ofreció su mano y la estreché. Su apretón dolía, pero me aguanté*».

Один из друзей – Томас – обладает незаурядной физической силой, которая одновременно является его преимуществом и проблемой, препятствием для быстрого и легкого сближения со сверстниками («*nadie le hablaba u osaba cruzar la mirada con él*»). Его

другу Даниэлю удастся задействовать собственную двойственную черту – ярко выраженную впечатлительность и эмоциональность – и расположить к себе более робкого (несмотря на пугающий внешний вид) знакомого («*aquel gigante tímido*», «*Con los ojos caídos, casi temblando*»). Их потребность во внимательном и преданном друге находит воплощение именно друг в друге за счет восполнения более западающих черт характера и возможностью успешно применять более развитые качества.

Автор подчеркивает необходимость установления равноправного положения между участниками общения с самого первого момента общения.

«Tres semanas más tarde, Tomás se me acercó durante el recreo. ... Empezó a balbucear, y al poco comprendí que lo único que quería era disculparse por la golpiza, porque sabía que había sido un combate desigual e injusto» Автор описывает явное физическое превосходство Томаса над Даниэлем и их дружба начинается с того, что более сильный приятель понимает: равенство должно соблюдаться везде, в том числе и в драке, и просит прощения как раз за то, что воспользовался своим преимуществом.

Важный критерий лингвокультурного типажа «друг» – открытость и искренность в отношениях между друзьями – также представлен в описании дружбы между Даниэлем и Томасом.

«Aquella misma tarde, Tomas me invitó a merendar a su casa y me enseñó la colección de extraños artilugios hechos a partir de piezas y chatarra que guardaba en su habitación.

– Los he hecho yo -me explicó, orgulloso.

Yo era incapaz de entender qué eran o pretendían ser, pero me callé y asentí con admiración».

Автор неслучайно подробно описывает эпизод знакомства Даниэля с внутренним миром своего нового друга. Мы можем предположить, что он имеет особое значение в равной степени для обоих друзей: у одного – желание почувствовать свою сопричастность, у второго – потребность поделиться с кем-то своими ценностями.

«Me parecía que aquel grandullón solitario se había construido sus propios amigos de latón y que yo era el primero a quien se los había presentado». – Десятилетний Томас показывает другу коллекцию непонятных и никем не виденных до того механизмов, имеющих

ценность разве что для самого изобретателя. Из этой авторской детали мы можем вывести предположение, что максимальная искренность, открытость является не только яркой особенностью дружеских отношений, но и естественной потребностью каждого человека, который он в силу природных инстинктов и коммуникативных традиций может удовлетворять только с теми, кому доверяет и считает другом.

«Era su secreto. Yo le hablé de mi madre y de lo mucho que la echaba a faltar. Cuando se me apagó la voz, Tomás me abrazó en silencio». Подобная потребность находится и у Даниэля, который делится воспоминаниями о матери – самой сокровенной для него темы – именно с новым другом и встречает необходимую ему реакцию – принятие и понимание. Мотив секрета, разделенности двумя людьми тайн каждого из них становится самым крепким фундаментом, на котором строится дальнейшая многолетняя дружба. Неслучайно именно после ритуала открытия тайны другому участнику общения писатель называет их друзьями: *«Teníamos diez años. Desde aquel día, Tomás Aguilar se convirtió en mi mejor -y yo en su único-, amigo».*

Впрочем, мы можем заметить, что автор в создании своего видения дружеских отношений не делает однозначных выводов о возможности или невозможности их между людьми противоположного пола. В выражаемой им картине мира есть место и для дружеского или, точнее, деятельностно-товарищеского общения людей, принадлежащих к разному гендеру. Мы наблюдаем его на примере многолетнего сотрудничества и дружбы обеспеченного книготорговца Барсело и управляющей в его доме Бернарды. Деятельностный аспект с самого начала их знакомства был соединен с аспектом личностного роста для девушки из провинции и возможностью прожить себя в развитии другого человека – для книготорговца.

«Bernarda trabajaba en un puesto de verduras del mercado del Borne y, siguiendo una intuición, le había ofrecido empleo a su servicio.

– Lo nuestro será como en Pigmalión -anunció-. Usted será mi Eliza y yo su profesor Higgins.

La Bernarda, cuyo apetito literario se saciaba con la Hoja Dominical, le miró de reojo.

– Oiga, que una será pobre e ignorante, pero muy decente».

Как и многие важные события в своем романе, их знакомство Карлос Сафон объясняет исключительно волей случая – здесь мы

еще раз наблюдаем часто появляющийся в вопросе отношений мотив судьбы и случайности. История их сотрудничества, даже реплика девушки («*Oiga, que una será pobre e ignorante, pero muy decente*») заключает в себе аллюзию на «Пигмалиона» Бернарда Шоу, хотя в дальнейшем интерес к взаимному развитию падает и предсказуемо уступает место успешному и комфортному взаимодействию в рамках одного дома. Отметим, что в данном проявлении дружеской коммуникации в силу социальных условностей мы не упоминаем один из ключевых дружеских аспектов – равенства, в силу первоначального социального и образовательного преимущества одного из участников общения над другим.

Взгляд испанского автора в этом отношении реалистичнее и одновременно лояльнее к самоценности каждой отдельной человеческой личности. Вслед за пониманием невозможности переделать сформировавшийся характер, хозяин и управляющая приходят к естественному отношению принятия друг друга, включая недостатки одного человека в глазах другого. Хозяину дома непонятны ярая религиозность служанки («*Era muy de misa y devota de la virgen de Lourdes hasta el punto del delirio*»), к примеру, ее привычка исповедоваться три раза в неделю («*Acudía a diario a la basílica de Santa María del Mar a oír el servicio de las ocho y se confesaba tres veces por semana como mínimo*»), однако эта черта полностью восполняется ее заботой и материнской опекой всех в доме («*Si tú eres más buena que el pan, Bernarda*», «*La Bernarda, que ocultaba una naturaleza de madraza bajo su severo semblante...*», «*Era muy difícil no querer a la Bernarda*»). В свою очередь, управляющая готова закрыть глаза на агностицизм хозяина и его крамольные речи в сторону церкви («*Al oír tamañas blasfemias, la Bernarda se santiguaba por quintuplicado*»), потому что верит в доброту его души, хоть и введенной в заблуждение слишком большим количеством прочитанных книг («*Más tarde, por la noche, decía una oración extra por el alma poluta del señor Barceló, que tenía buen corazón, pero a quien de tanto leer se le habían podrido los sesos, como a Sancho Panza*»).

В описании этого примера для изучения лингвокультурного типажа мы находим и другие, отмеченные ранее аспекты дружбы: взаимная необходимость друзей как для успешной ежедневной деятельности, так и в кризисной ситуации. В случае служанки Бернарды такой кризис заключался в тяжелых повторяющихся расста-

ваниях с мужчинами: «Cada vez que se producía una de estas crisis, la Bernarda se encerraba en el cuarto que tenía en la parte de atrás del piso a llorar durante días y juraba que se iba a matar con el veneno para las ratas o a beberse una botella de lejía». Помощь в таких ситуациях всегда приходит от хозяина дома Барсело, который берет на себя самое главное: восстановление душевного равновесия девушки: «Barceló, tras agotar todas sus artimañas de persuasión, se asustaba de veras y tenía que llamar al cerrajero de guardia para que abriese la puerta de la habitación y a su médico de cabecera para que le administrase a la Bernarda un sedante de caballo». Необходимо отметить интересную авторскую деталь комфортных дружеских взаимоотношений между женщиной и мужчиной: даже оставаясь друзьями, каждая из личностей нуждается в учете собственных гендерных особенностей и потребностей, к примеру, признание достоинств и уважение по отношению к мужчине, элементы галантности и ухаживания по отношению к женщине (« - *Qué bien habla el señor*», «*el librero le compraba rosas, bombones, un vestido nuevo y la llevaba al cine*», «*corregía Barceló, sin acritud*»).

В целом, в ходе анализа дружеских отношений, описанных в романе, можно сделать вывод о принципиальной возможности существования в картине мира испанского автора дружбы между людьми одного и разных полов. Каждый из этих двух проявлений дружеских отношений имеет свои особенности и одновременно основывается на объединяющих принципах взаимной необходимости друг в друге, уважении к личности друга, признании и удовлетворении коммуникативных потребностей другого человека в зависимости от гендерного аспекта.

Список литературы

1. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М. : Наука, 1993. С. 90–136.
2. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Институт социологии РАН, 1999.

References

1. Zemskaja, E. A. Osobennosti muzhskoj i zhenskoj rechi // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii / pod red. E. A. Zemskoj i D. N. Shmeleva. M. : Nauka, 1993. S. 90–136.
2. Kirilina, A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. M. : Institut sociologii RAN, 1999.

3. Карасик, И. В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
4. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. 310 с.
5. Юркова, Е. В. Дружба как социально-психологический феномен: гендерный аспект // Ежегодник Российского психологического общества: материалы III Всерос. съезда психологов, 25-28 июня 2003 г. СПб., 2003. Т.8: Ф-Я. С.583–586.
6. Zafón Carlos Ruiz. La Sombra del Viento / C. R. Zafón. ЛитМир. Электронная библиотека. URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=100379>
3. Karasik, I. V. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.
4. Karasik, V. I. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija. Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika. Volgograd: Paradigma, 2005. 310 s.
5. Jurkova, E. V. Druzhiba kak social'no-psihologicheskij fenomen: gendernyj aspekt //Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshhestva: materialy III Vseros. s#ezda psihologov, 25-28 ijunja 2003 g. SPb., 2003. T.8: F-Ja. S.583–586.
6. Zafón Carlos Ruiz. La Sombra del Viento / C. R. Zafón. LitMir. Jelektronnaja biblioteka. URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=100379>

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Ю. Н. Карпова

В статье автор ставит проблему формирования духовно-эстетического развития личности будущего государственного служащего и предлагает в качестве одного из средств интеграции в курс иностранного языка эстетики и художественной культуры, т.к. именно они являются источником знаний о мире, расширяют духовное и эстетическое познание студентов. Духовное развитие личности будущего государственного служащего посредством искусства является составной частью эстетического воспитания.

Ключевые слова: профессиональное образование, образованность, компетентность, духовно-эстетическое развитие, интеграция, искусство.

Выход нашей страны из сложившегося глубокого системного кризиса, существенно повлиявшего на экономическую, политическую, социальную, культурную, духовную сферы российского общества, не без основания связывается с качеством, эффективностью и высоким профессионализмом деятельности государственной службы на всех ее уровнях, которая является профессиональной деятельностью по реализации полномочий власти, требующей высокого уровня компетентности в рамках осуществляемых полномочий и с государственным уровнем ответственности за результаты деятельности.

В последнее время вместо понятия «профессионал» все чаще используются понятия «образованность» и «компетентность». Высокообразованный человек – это не только человек, образованный в своей области, но и человек, уверенно ориентирующийся в других сферах науки и культуры, знающий отечественную и миро-

вую историю и литературу, владеющий несколькими иностранными языками.

В. А. Новиков в своей книге «Профессиональное образование в России» выделяет основные цели современного профессионального образования, среди которых наиболее важными, на наш взгляд, являются:

1. Воспитание граждан – людей социально активных, творческих, овладевших системой общечеловеческих ценностей и идеалов, способных к преобразованию общества, производства, экономических и общественных отношений, участию в управлении, обладающих чувством высокой гражданской ответственности за результаты своего труда, за судьбу народа и всей страны.

2. Удовлетворение текущих потребностей производства в экономической, социальной, культурной и других сферах, квалифицированных специалистов, соответствующих требованиям социального, научно-технического, гуманитарного процесса, обладающих широким общеобразовательным и профессиональным кругозором, профессиональной мобильностью [2. С. 65].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что формирование современных госслужащих будет соответствовать требованиям современного общества, если в основу их профессиональной подготовки будет положен принцип гуманизма, предполагающий формирование у человека чувства личной ответственности за свою деятельность и тем самым «очеловечивания» его профессиональной деятельности, преодоления профессиональной ограниченности и профессионального эгоизма.

Сегодня профессиональное образование уже можно определить как процесс и результат обучения и воспитания, профессионального становления и развития личности, что наряду с овладением знаниями, умениями и навыками включает формирование убеждений, мировоззрения, идеалов, внимания, воли, чувств и т.д.

Гуманизация профессионального образования – это своего рода переориентация на личностную направленность как процесс и результат профессионального развития личности.

Гуманизация профессионального образования невозможна без непосредственного обращения к личности.

По мнению Серикова В.В., образование сегодня должно рассматривать механизмы личностного существования человека, от-

ответственность, избирательность, творчество – как самоцель образования, достижению которой подчинены, в конечном итоге, его содержательны и процессуальные компоненты.

Центральным понятием в образовании сегодня является понятие личности. Образование, ориентированное на развитие личности, достигает своих целей в такой степени, в какой создает ситуации востребованности личности, ее сил саморазвития [4. С. 25]. Основная идея образования – обращение непосредственно к личности, а не к абстрактному человеку, к реальным процессам его жизнедеятельности, интересам, ценностям и интеллектуальному потенциалу, т.е. ко всему тому, что составляет мир человека.

Профессиональное образование сегодня не только должно быть личностно ориентированным, но и, главным образом, личностно деятельностным, так как в процессе образования человек, прежде всего, готовится к определенной деятельности.

Деятельностный подход к образованию подразумевает, что «студенты должны не просто усваивать знания, но и овладевать определенными видами профессиональной деятельности, включающими в себя: познавательную, ценностно-ориентированную, преобразовательную, коммуникативную и эстетическую деятельность в единстве» [2. С. 92].

Овладение всеми вышеперечисленными видами деятельности имеет особо важное значение для становления личности будущего профессионала, но в данной статье нам бы хотелось уделить особое внимание таким видам деятельности, как ценностно-ориентированная и эстетическая.

Ценностно-ориентированная деятельность имеет духовный характер и дает информацию о ценностях. Этот вид деятельности направлен на формирование целей и мотивов. Продуктом ее для индивида, личности является ее ценностная ориентация. Ценностно-ориентировочный потенциал личности определяется «обретенной им в процессе социализации в нравственной, политической, эстетической сферах, т.е. идеалами, жизненными целями, убеждениями и устремлениями» [2. С. 88].

Говоря об эстетической деятельности, необходимо отметить, что она включает в себя «потребление или созидание произведений искусства, а также всякую деятельность, в первую очередь трудовую, связанную с совершенством процесса и продукта труда

человека, свободным проявлением им своих созидательных возможностей и способностей и получаемым от этого наслаждением. Как известно, эстетика как наука и определяет объективную основу освоения человеком мира, как творческую, почти целенаправленную деятельность людей, в которых раскрывается их общественная сущность и созидательные силы» [2. С. 89].

Не секрет, что в настоящее время в нашей стране наблюдается активный процесс разрушения духовных ценностей и идеалов, происходит духовно-нравственный кризис общества. Утрата и деформация духовных ценностей порождают серьезные нравственные, социально – психологические и эстетические проблемы. Девальвация ценностей культуры ведет к полной их подмене ценностями культуры материальной. Данная ситуация характерна в полной мере и для государственной службы. Вспоминая рождественское послание Патриарха Московского Всея Руси Кирилла хочется процитировать: «*Всякий кризис в жизни есть суд Божий, а суд Божий отделяет правду от лжи, обнажает неправду. И если сегодня мир переживает экономический кризис, значит, этот суд обнаруживает некую глобальную человеческую неправду... Этот суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, над непомерным желанием иметь как можно больше, потерей контроля над своим потреблением. Суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая подлинные ценности и идеи*». Никогда не может наступить в современном положении улучшение, если «... люди будут продолжать растрачивать последние крохи духовного блага, которое отчасти еще у них имеется» [1].

Духовность проявляется через внутренние установки личности, во внешнем облике, поведении человека и определяется «совокупностью ценностей, заложенных в концептуальном основании его смысло-жизненных ориентаций, особенностью которых является то, что они могут быть приобретены человеком только через свой собственный жизненный опыт, в процессе духовного труда по их овладению» [3].

Духовная культура – базисная характеристика личности, которая несет в себе оценочный компонент и не может быть понята вне ее аксиологических характеристик, т.к. непосредственно связана с аффективно-эмоциональной сферой. В силу этого одним из средств формирования духовной культуры в рамках системы эсте-

тического воспитания является формирование ее на основе гуманистических ценностей искусства.

Искусство является одной из составляющих духовной культуры и представляет собой способ ценностной социализации человека, его эмоционального и интеллектуального развития, приобщения к опыту человечества, к конкретным общественно-историческим интересам, устремлениям, идеалам через собственный внутренний опыт, через личное эмоциональное переживание. Искусство играет огромную роль в передаче человеку моральных ценностей. Именно поэтом. Одним из приоритетных направлений системы вузовской подготовки и подготовки государственных служащих в первую очередь должно стать духовное развитие личности посредством искусства, являющегося составной частью эстетического воспитания, в процессе которого студенты приобщаются к культурным ценностям, развивают свои способности к эстетическому восприятию и переживанию, формируется их эстетический вкус и представления об идеале.

Следовательно, наша задача – развивать эмоциональный мир студента, наполнять процесс познания захватывающими чувствами, стимулирующими познавательную деятельность, другими словами, формировать его эстетическую компетентность посредством создания условий для художественно-образного постижения мира. Безусловно, в формировании эстетической компетентности личности важна роль всех видов искусства и выбрав живопись, в качестве объекта эстетического восприятия и рефлексии, мы не умаляем роль иных. Наш выбор не случаен и продиктован желанием и возможностью интегрировать изобразительное искусство в процесс обучения иностранному языку в высшей школе, т.к. для подавляющего большинства знакомство с шедеврами мировой живописи начинается и заканчивается в средней школе в рамках предмета «Мировая художественная культура» и зачастую остается на уровне поверхностного знакомства.

Задача профессионального лингвообразования сегодня заключается в том, чтобы вооружить студентов дополнительным источником информации, теми знаниями о мире, которые содержатся во всем сказанном и написанном на этом языке. Иностраный язык выступает и как средство расширения духовного и эстетического познания, и как средство эксплицирования духовных смыслов. В

этом своем качестве он является и целью, так как для адекватного эксплицирования необходимо знание соответствующих слов и форм, лексикона и синтаксиса, развитие тезауруса. Основным источником знания в области эстетики является текст, являющийся и материальной основой формирования предметно-содержательного плана учебного интегрированного процесса и учебно-речевым действием. От текста отталкиваются и к порождению текста приходят. Предметность не только обеспечивает содержательный план в учебном процессе, но и служит мотивационной основой обучения. В разработанном нами интегрированном курсе иностранного языка и эстетики для создания предметно-содержательного плана используются тексты эстетического характера, видеофильмы, аудиозаписи, репродукции картин. Мыслительная и речевая деятельность студентов по освоению предметного плана, обладающего духовно-эстетическим содержанием, стимулирует духовное усилие обучающихся и задает духовную направленность их учебно-познавательной и учебно-профессиональной деятельности. Тем самым интегрируемые предметы, усиливая интеллектоформирующий потенциал друг друга, наполняются духовным содержанием.

Основными методами были выбраны дискуссии, ролевые игры, «круглые столы», аудирование, стимулирование речевой активности с опорой на наглядность. Студенты на начальном этапе – это тот мягкий «пластилин», из которого лепить личность высоко духовную, творческую, обладающую эстетическим вкусом – дело приятное, благодарное и крайне необходимое. Необходимость продиктована самим временем. Ведь наряду с высочайшими достижениями искусство XXI века породило суррогаты, призванные напрямую вызывать у публики необходимые из коммерческих соображений эмоциональные реакции и при этом отключать интеллект.

Эстетическая и художественная культура – важнейшие составляющие духовного облика личности любого профессионала и госслужащего прежде всего. От их наличия и степени развитости зависит интеллигентность человека, творческая направленность деятельности, одухотворенность отношений с окружающим миром.

Эстетические чувства пробуждают в человеке нравственные и интеллектуальные стремления. Успех выхода из сложившегося кризиса определяется не в последнюю очередь эстетическим по-

тенциалом общества. Именно данное обстоятельство актуализирует проблему формирования эстетической культуры госслужащих, поскольку именно они являются главными субъектами преобразований и реформирования нашего общества.

Список литературы

1. Клизовский, А. И. Основы миропонимания новой эпохи. В 3 т. Т.2. Рига: Виеда, 1992. 526 с.
2. Новиков, А. М. Профессиональное образование в России/Перспективы развития. М.: ИЦПНПО РАО, 1998. 254 с.
3. Охотский, Е. В. Государственная служба: культура поведения и деловой этикет: учеб. пособие / под общ. ред. Е. В. Охотского. М. : Изд-во РАГС, 1998. 335 с.
4. Сериков, В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования образовательных систем. М. : Логос, 1999. 272 с.

References

1. Klizovskij, A. I. Osnovy miroponimanija novoj jepohi. V 3 t. T.2. Riga: Vieda, 1992. 526 s.
2. Novikov, A. M. Profesional'noe obrazovanie v Rossii/ Perspektivy razvitija. M.: ICPNPO RAO, 1998. 254 s.
3. Ohotskij, E. V. Gosudarstvennaja sluzhba: kul'tura povedenija i delovoj jetiket: uceb. posobie / pod obshh. red. E. V. Ohotskogo. M. : Izd-vo RAGS, 1998. 335 s.
4. Serikov, V. V. Obrazovanie i lichnost'. Teorija i praktika proektirovanija obrazovatel'nyh sistem. M. : Logos, 1999. 272 s.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, СКОРОСТЬ ДЕМОНСТРАЦИИ И ВРЕМЯ КАК ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТА КИНОТИТРОВ

Т. Ф. Колчина

В статье рассматриваются темпоральные характеристики текста кинотитров и их особенности в американской и русской лингвокультурах в синхроническом аспекте.

Ключевые слова: кинотитры, кинотекст, лингвокультура, длительность текста кинотитров, скорость демонстрации информации.

Титры являются облигаторной частью любого фильма. Титр – это *«надпись, содержащая пояснительный текст или передающая слова действующих лиц в кинокартине (кино)»* [10]. Мы, вслед за Г. Г. Слышкиным, рассматриваем кинотитры как одну из лингвистических составляющих кинотекста [1. С. 17]. Они подразделяются на начальные, внутритекстовые или интертитры (чаще всего служат для обозначения хронотопа: сообщают об изменении места либо времени действия в фильме) и финальные (заключительные) [1. С. 22].

Кинотитры имеют целый ряд лингвокоммуникативных характеристик, что обусловлено их сложной природой – кинотитры являются одновременно аудио- и видеотекстом и имеют скоростное измерение. В нашем исследовании мы рассмотрим объем, скорость демонстрации и время как характеристики кинотитров.

С развитием кинематографа продолжительность титров к фильмам варьировалась и составляла от 1–2 минут в начальных и 3–60 секунд в финальных титрах в 30-х годах XX века, до 1 – 5 минут в начальных и 7–11 минут в финальных кинотитрах современного кинематографа. Так финальные титры фильма Серджио Леоне “Once Upon a Time in America” (Однажды в Америке), 1984 г. были занесены в книгу рекордов Гиннеса как самые длинные титры, их продолжительность составляла 12 минут. Однако в фильме Harry Potter and the Deathly Hallows: Part 1 (Гарри Поттер и Дары Смер-

ти: Часть I, 2010), финальные титры презентуются в течение 13 минут. Рассмотрим тенденции развития и причины изменений в продолжительности титров более подробно.

В тридцатые – сороковые годы XX века в начальные титры как советского, так и американского кинематографа помещалась вся информация о создателях фильма, в связи с этим их длительность составляла 1–2 минуты (72% и 76% в русской и американской лингвокультурах соответственно) (*Приведено в таблицах 1, 2*).

Таблица 1

титры	продолжительность титров в 30-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	1-2 мин	72	76
	> 2 мин	20	2
	< 1 мин	8	22
финальные	3-10 сек	100	22
	11-30 сек	-	52
	31-45 сек	-	26

* В сравнении было проанализировано 50 фильмов каждой лингвокультуры

Таблица 2

титры	продолжительность титров в 40-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	1-2 мин	92	90
	> 2 мин	2	-
	< 1 мин	6	10
финальные	3-10 сек	92	4
	11-30 сек	6	42
	31- 60 сек	2	50
	> 1 мин	-	4

Ситуация остается неизменной вплоть до начала шестидесятых годов XX в. (64% и 34%). В этот период времени длительность начальных титров в американских фильмах начинает постепенно

увеличиваться до 3-х минут (60%) и до 4-5 минут в последующие два десятилетия за счет использования разнообразных приемов привлечения внимания к титрам, к которым можно отнести прием прерванных титров, всплывающих по сюжету титров и т.д. В русской лингвокультуре шестидесятых годов также активно используются прерванные начальные титры, однако их разнообразие недостаточно велико, что находит свое отражение и в продолжительности фильмов – 2–3 минуты длятся 30% всех проанализированных фильмов данного десятилетия и 84% и 66% последующих двух (Приведено в таблице 3).

Таблица 3

титры	продолжительность титров в 60-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	1-2 мин	64	34
	> 2 мин	30	60
	< 1 мин	6	6
финальные	3-10 сек	68	18
	11-30 сек	20	24
	31- 60 сек	10	28
	> 1 мин	2	30

К началу тысяча девятьсот девяностых годов длительность американских начальных кинотитров значительно варьируется. Так, титры до 1 минуты составляют 38% от всего числа, от 1 до 2 минут – 10%, от 2 до 3 минут – 34%, более 3 минут – 16% и более 4-5 минут – 2%. В продолжительности российских кинотитров также можно наблюдать дифференциацию: титры до 1 минуты составляют 34%, 1-2 минуты – 42%, 2-3 минуты – 22% и 2% составляют титры с продолжительностью 3-4 минуты. Начиная с двухтысячных годов до настоящего времени в российском кинематографе появляются начальные титры с продолжительностью более 4-5 мин. и их процентное соотношение неуклонно растет – 4% в двухтысячные годы и 12% в две тысячи десятые. (Приведено в таблицах 4, 5).

Таблица 4

титры	продолжительность титров в 90-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	< 1 мин	34	38
	> 1 мин	42	10
	> 2 мин	22	34
	> 3 мин	2	16
	> 4-5 мин	-	2
финальные	< 1 мин	-	2
	> 1 мин	36	-
	> 2 мин	50	2
	> 3 мин	14	20
	> 4 мин	-	32
	> 5 мин	-	18
	> 6 мин	-	27

Таблица 5

титры	продолжительность титров в 2000-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	< 1 мин	24	40
	> 1 мин	36	24
	> 2 мин	26	22
	> 3 мин	10	10
	> 4-5 мин	4	4
финальные	< 1 мин	10	2
	> 1 мин	4	-
	> 2 мин	32	2
	> 3 мин	24	8
	> 4 мин	20	16
	> 5 мин	8	12
	> 6 мин	2	20
	7 – 14 мин	-	40

Финальные титры кинофильмов тысяча девятьсот тридцатых годов в обеих лингвокультурах также имеют примерно одинаковую структуру, заканчиваясь словами *конец/конец фильма – The End* и имели продолжительность 3-10 секунд (100 и 22 %). Однако в американских фильмах уже со второй половины тридцатых годов до конца сороковых в финальные титры помимо данной информации включается информация о действующих лицах и основных создателях фильма – титры увеличиваются с 10 секунд до 1 минуты (50 %) (Приведено в таблицах 1, 2). В советском кинематографе ситуация с завершающими титрами остается неизменной вплоть до конца восьмидесятых годов. Проанализировав фильмы данного десятилетия можно увидеть, что 40% всех советских финальных титров к фильмам имели продолжительность до 30 секунд, а 50% длились 1-2 минуты (Приведено в таблице 6).

Таблица 6

титры	продолжительность титров в 80-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	< 1 мин	26	24
	> 1 мин	44	12
	> 2 мин	22	28
	> 3 мин	8	28
	> 4-5 мин	-	8
финальные	3-30 сек	40	2
	31- 60 сек	10	-
	> 1 мин	36	8
	> 2 мин	14	16
	> 3 мин	-	32
	> 4 мин	-	26
	> 5 мин	-	4
> 6 мин	-	12	

В США с начала пятидесятых годов профсоюзы настаивают на том, чтобы в титрах к фильмам указывались все, кто имел отношение к созданию фильма. С этого времени продолжительность

финальных титров американского кинематографа постоянно увеличивается. Так, в шестидесятые годы 30% всех фильмов имеют продолжительность более 1 минуты, в семидесятые этот же процент составляют фильмы с длительностью более 2 минут, и 13% - более 3-4 минут (*Приведено в таблице 7*).

Таблица 7

титры	продолжительность титров в 70-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	< 1 мин	8	16
	> 1 мин	42	48
	> 2 мин	42	10
	> 3 мин	8	16
	> 4-5 мин	-	10
финальные	3-30 сек	54	4
	31- 60 сек	14	10
	> 1 мин	22	44
	> 2 мин	10	30
	> 3 мин	-	10
	> 4 мин	-	2

В восьмидесятые годы 58% американских завершающих кинотитров длятся 3–4 минуты, 16% – более 5–6 минут. В двухтысячные годы 20% составляют титры с длительностью более 6 минут и 40% прокручиваются в течение 7–15 минут. В десятые годы XXI века это соотношение выглядит так: 20% и 52% (> 6 мин и 7–15 мин.) (*Приведено в таблицах 5, 6, 8*).

В российском кинематографе такое значительное увеличение продолжительности титров происходит с начала девяностых годов XX века – 64% всех фильмов данного десятилетия длятся 2–4 минуты. В двухтысячные годы титры с такой продолжительностью составляют 56%, 4–6 минут – 28% и 2% составляют фильмы с продолжительностью 6–7 минут. В современном российском кино финальные титры с продолжительностью 4-6 минут составляют 33%, а титры с продолжительностью 7–15 минут – 2%, в то время, как в американском кинематографе этот процент составляет 52% (*Приведено в таблицах 4, 5, 8*).

Таблица 8

титры	продолжительность титров в 2010-е гг.	процентное соотношение (%)	
		русские	американские
начальные	< 1 мин	31	54
	> 1 мин	20	14
	> 2 мин	26	23
	> 3 мин	11	2
	> 4-5 мин	12	7
финальные	< 1 мин	8	6
	> 1 мин	11	2
	> 2 мин	17	-
	> 3 мин	29	-
	> 4 мин	17	11
	> 5 мин	8	9
	> 6 мин	8	20
7 – 14 мин	2	52	

Следует упомянуть, что одной из характеристик продолжительности кинотитров является скорость их прокручивания на экране.

Лингвоспецифической чертой, отличающий современный российский кинематограф от американского, является большая скорость демонстрации российских финальных кинотитров и соответственно меньшее время их пребывания на экране. Выше было продемонстрировано, что число современных финальных кинотитров с продолжительностью 7–15 минут составляет 2%, в американском – 52%. Если быть более точным, то в российском кинематографе продолжительность финальных кинотитров, составляющих данный процент, не превышает 7-9 минут. (Легенда №17, 2013 – 8.38 мин.), американские завершающие кинотитры делятся до 12–14 минут экранного времени (The Great Gatsby (Великий Гэтсби), 2013 – 12.24; The Twilight Saga: Breaking Dawn – Pt. 2 (Сумерки. Сага. Рассвет. Часть 2), 2012 – 12.30; Harry Potter and the Deathly Hallows: Part 1 (Гарри Поттер и Дары Смерти: Часть I), 2010 – 13.24).

В скорость демонстрации кинотитров могут вмешиваться не только авторы фильма, но и лица, ответственные за трансляцию

фильма на телевидении в прайм-тайм, когда титры демонстрируются на экране в течение 3-10 секунд и их невозможно рассмотреть. Однако мы не рассматриваем данный факт как характеристику самого фильма, это явление является характеристикой канала передачи фильма на телевидении.

Еще одной характеристикой продолжительности финальных кинотитров является среднее время пребывания на экране конкретной информации (определенной строки). При этом следует отметить, что время пребывания на экране сильных и слабых позиций кинотитров варьируется. Сильные позиции, как правило, демонстрируются на фоне неудавшихся или рабочих дублей, на каком-то сложном или однотонном фоне, эти кинотитры статичны (изменяются как слайд-шоу), и время их пребывания на экране составляет 3 - 5 секунд (*Winter's Tale* (Любовь сквозь время), 2014 (Рис 1); *X-Men: First Class* (Люди икс), 2011; *The Great Gatsby* (Великий Гэтсби), 2013).

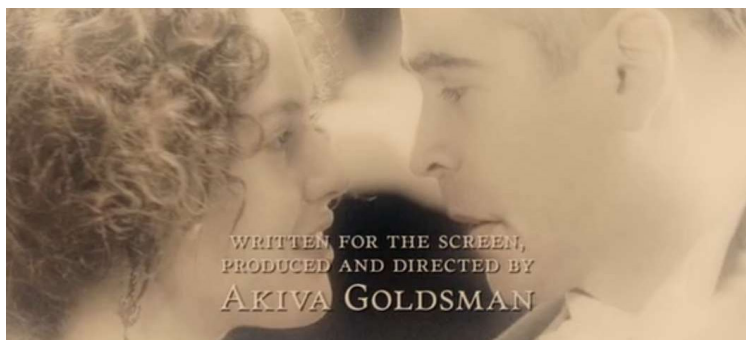

Рис. 1.

Информация в слабых позициях финальных титров демонстрируется сплошным, монотонно прокручивающимся снизу вверх текстом на черном (реже цветном) фоне. Встречаются случаи, когда титры прокручиваются сверху вниз (*The Seven* (Семь), 1995; *The Next* (Пророк), 2007; *The Stoker* (Порочные игры), 2013), однако они являются исключением из правил (Рисунок 2).

Рис. 2.

Нередки случаи, когда в финальных кинотитрах вся информация, включая сильные позиции, демонстрируется движущимся сверху вниз текстом на фоне стоп-кадра (реже последнего дубля) или черном фоне (*Warm Bodies (Тепло наших тел)*, 2013; *The Twilight Saga: Breaking Dawn – Pt. 1 (Сумерки. Сага. Рассвет. Часть 1)*, 2011, *The Stoker (Порочные игры)*, 2013 (Рисунок 2). В российском кинематографе такой способ подачи информации в финальных кинотитрах является превалирующим (фильм «Амулет», 2013, Рисунок 3).

Рис. 3.

Таким образом, для привлечения внимания к различной информации кинотитров используется комплекс различных средств: бо-

нусные материалы, фон, скорость демонстрации на экране и т.д.

Исходя из вышеизложенного мы приходим к следующим выводам:

- продолжительность начальных титров в обеих лингвокультурах увеличивается с 1-2 минут в тысяча девятьсот тридцатые годы до 4-5 минут в две тысячи десятые годы за счет разнообразных средств привлечения внимания зрителей;

- в современные начальные титры помещается лишь основная информация о создателях фильма, в то время как до шестидесятых годов XX века открывающие титры содержали всю информацию о фильме;

- длительность финальных кинотитров в обеих лингвокультурах с течением времени увеличивается с 3-5 секунд до 9-15 минут;

- современные финальные кинотитры обеих лингвокультур содержат всю информацию о создателях фильма;

- современные российские титры характеризуются большей скоростью демонстрации информации и меньшим временем их пребывания на экране по сравнению с американскими кинотитрами;

- время пребывания на экране конкретной информации, как и способ демонстрации информации в сильных и слабых позициях финальных титров варьируется в обеих лингвокультурах: текст в сильных позициях демонстрируется в виде статической картинки продолжительностью до трех секунд, информация в слабой позиции демонстрируется динамическим прокручивающимся снизу вверх текстом.

Список литературы

1. Слышкин Г. Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. – 531 с.

References

1. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza). M. : Vodolej Publishers, 2004. 153 s.
2. Tolkovyy slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. M., 2000. – 531 s.

**ТАКТИКА КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
КАК ОДИН ИЗ МАРКЕРОВ СИМВОЛИЧНОСТИ
СУДЕБНОГО ДИСКУРСА**

Э. Ш. Никифорова

В статье рассматриваются представления о тактике конвенциональной вежливости. Автор подчеркивает тот факт, что он рассматривает в качестве одного из показателей символики судебного дискурса профессиональную коммуникацию. В настоящей работе рассматриваются пути реализации упомянутой выше тактики в русской, казахской и американской языковых культурах. Автор считает, что общие черты приписываются основным функциональным характеристикам судебного дискурса и задачам профессиональной коммуникации, в то время как различия – этнические и культурно-специфические особенности.

Ключевые слова: традиционная вежливость, тактика, символизм, суд дискурса, языковой культуры.

Понятие дискурса широко применяется учёными, исследующими функционирование языка в сфере правовой коммуникации. При построении теоретической модели дискурса как типа осуществления речевого общения выделяют внешний контекст речевого общения и внутренний контекст определяемый фактами разбираемого дела.

В соответствии со статусно-ролевыми характеристиками и целями профессиональных участников судебного дискурса нами был выделен ряд базовых стратегий, реализуемых через определённый набор коммуникативных тактик. Остановимся подробнее на рассмотрении тактики конвенциональной, без которой невозможно представить себе современную судебную коммуникацию.

Вслед за Т. В. Дубровской мы отмечаем, что судебному процессу присущи основные признаки ритуального общения: сценарность, ролевая структура, символичность [1]. В связи с реализацией тактики конвенциональной вежливости следует особое внимание обратить на такое свойство судебной коммуникации, как символичность.

Говоря о конвенциональной вежливости, мы, прежде всего, затрагиваем понятие внутреннего символизма, реализуемого посредством употребления особых языковых конструкций - клише, зачастую носящих архаичную окраску или кажущихся «тяжеловесными» для обычной речи. Тенденцию к употреблению таких структур нам удалось проследить в рассматриваемых нами русской, казахской и американской лингвокультурах: *May it please the court; If it please the Court; Your Honor; in my humble opinion; Уважаемые присяжные заседатели; Ваша честь; если мне будет позволено; Құрметті төрелік етуші; өкінішке орай; Құрметті сот жәнеіске қатысушытарантар.*

Конвенциональная вежливость, на наш взгляд, также проявляется в том, что профессиональные участники процесса не должны прибегать к явному оскорблению других его участников. По этой причине негативные чувства часто выражаются при помощи иронии, не выходящей за рамки вежливости, но являющейся сильным средством передачи негативного отношения, отрицательной оценки, недоверия и т.п. [5]. В этой связи необходимо отметить тот факт, что к иронии чаще всего прибегают представители русской и почти вовсе не прибегают представители казахской и американской лингвокультур, которые предпочитают другие средства эмоционального воздействия:

1) *Хорошо. У нас новый секретарь. Зато постоянный теперь.*

Адвокат Резник: Хотелось бы. Но в нашей жизни говорить о чём-то постоянном - это становится весьма рискованным заявлением» [4]. Посредством иронии адвокат намекает на то, что в ходе данного суда происходило слишком много перемен процессуального характера, что несовместимо с нашими понятиями о чётко отработанной и относительно неизменной процедуре.

2) *По сути, они не представили суду каких-либо серьезных исследований самой выставки и ее экспонатов. Наверное, такой задачи они перед собой не ставили. В частности, эксперта Энееву обвиняет в некомпетентности некто Шабельников, который именуется как «художник, произведения которого находятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи, Русского музея, частных собраниях России и зарубежья». Возможно, самому Шабельникову и защите этого кажется достаточно, чтобы выступать в суде в качестве эксперта, однако правовые критерии*

к данной категории участников процесса, по крайней мере, то, что касается образовательного ценза, не позволяют считать его таковым» [3]. Прокурор в своей речи прибегает к сочетанию тактики дискредитации доводов защиты и тактики конвенциональной вежливости, прикрытой иронией. В этой речи создаётся и поддерживает чувство абсурдности ситуации, при помощи заявления о том, что эксперты защиты не ставили перед собой тех целей, которые они по логике вещей должны были бы ставить (*Наверное, такой задачи они перед собой не ставили*). Чтобы не выходить за рамки конвенциональной вежливости, прокурор прибегает к выражению модальности вероятности (*наверное*). Далее, прибегая к иронии на уровне описания ситуации, автор подвергает сомнению квалификацию вызванных защитой экспертов (*что касается образовательного ценза, не позволяют считать его таковым*). Синтаксическая структура предложений также представляет интерес с точки зрения применения тактики конвенциональной вежливости: предложения содержат большое количество вводных фраз, все мысли логически завершены, подкреплены примерами и объяснениями, чтобы слушающий мог уловить все нюансы рассматриваемого вопроса, безошибочно интерпретировать приведённые аргументы и прийти к соответствующему решению. При этом очень важно, чтобы форма предъявляемых аргументов соответствовала нормам конвенциональной вежливости, с одной стороны, и достаточно однозначно дискредитировала показания свидетелей защиты, с другой.

При работе с казахоязычными источниками нами был выявлен лишь один пример иронии в речи прокурора, цитирующего слова подозреваемого о том, что он носил с собой кастет не в качестве орудия нападения, а в качестве средства защиты (*«өз - өзімді қорғау үшін керек деп пайымдады»*), что звучит абсурдно в контексте ситуации (подсудимый совершил разбойное нападение на женщину): *«Кастетті не мақсатпен алдың деген сұраққа, «өз - өзімді қорғау үшін керек деп пайымдады»»* [2].

Итак, тактика конвенциональной вежливости реализуется в той или иной степени в речах представителей всех рассматриваемых лингвокультур и касается как формальной стороны организации высказывания и речевого поведения профессиональных участников судебного процесса, так и содержательной.

Соблюдение конвенциональной вежливости в ходе процесса также является прочно укоренившейся традицией, ведь суд чётко ассоциируется с храмом правосудия.

Следует отметить тот факт, что конфронтационность представителей русской лингвокультуры проявляется, на наш взгляд, в частом применении приёма иронии для выражения негативных чувств по отношению к тем или иным сторонам рассматриваемого явления.

Список литературы

1. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: дис. ... д-ра. филол. наук Саратов, 2010. 509 с.
2. Протокол судебного заседания Костанайского городского суда по делу Н. А. Жокешбая, осужденного по статье 179 УК. РК. часть 2. от 19.07.2011.
3. Речь прокурора Ю. Новичковой по делу в отношении организаторов выставки «Осторожно, Религия!», проведенной в период с 14 по 18 января 2003 года в Музее и общественном центре имени А. Д. Сахарова. URL : http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_nota_bene/Taganskij_sud/020305-novichkova.htm .
4. Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова. URL: <http://www.memo.ru/2011/02/02/0202111.html>.

References

1. Dubrovskaja, T. V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i: dis. ... d-ra. filol. nauk Saratov, 2010. 509 s.
2. Protokol sudebnogo zasedanija Kostanajnskogo gorodskogo suda po delu N. A. Zhokeshbaja, osuzhdenno po stat'e 179 UK. RK. chast' 2. ot 19.07.2011.
3. Rech' prokurora Ju. Novichkovej po delu v otnoshenii organizatorov vystavki «Ostorozhno, Religija!», provedennoj v period s 14 po 18 janvarja 2003 goda v Muzeje i obshhestvennom centre imeni A. D. Saharova. URL : http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/religion_nota_bene/Taganskij_sud/020305-novichkova.htm .
4. Stenogramma sudebnogo zasedanija po ugovnomu delu o klevete, vobuzhdjonnomu protiv predsedatelja Soveta Pravozashhitnogo centra «Memorial» Olega Orlova. URL: <http://www.memo.ru/2011/02/02/0202111.html>.

5. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия 1997–2012. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IRONIYA.html.

5. Jenciklopedija Krugosvet. Universal'naja nauchno-populjarnaja jenciklopedija 1997-1012. URL:http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IRONIA.html.

ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСА. ДИСКУРС ТОК-ШОУ

А. Ю. Салихов

Эта статья посвящена анализу подходов к типологии дискурса, в частности, такими учеными, как Т. В. Анисимова, В. И. Карасик. Дискурс ток-шоу влияют на точку зрения большого количества людей, поэтому, чтобы понять механизм действия, его надо проанализировать. Представляется целесообразным исследование ток-шоу дискурса как институционального дискурса (по В. И. Карасику): тип участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и речевые формулы.

Ключевые слова: типология, дискурс, институциональный дискурс, ток-шоу.

При изучении дискурса, как и любого естественного феномена, встает вопрос о классификации: какие типы и разновидности дискурса существуют. По мнению Ф. С. Бацевича, создание типологии дискурсов, обслуживающих общество, должно способствовать широкому изучению языка как многоуровневой иерархической динамической системы в функционировании и более полному ее пониманию как средства коммуникации, которое найдет свое проявление в дискурсивно-текстовой деятельности [2. С. 102].

В настоящее время классификации дискурсов, предложенные учеными, представляющими разные области знания и их направления, весьма неоднородны, что объясняется многогранностью феномена «дискурс» и возможностью его изучения с различных позиций, например, с позиции прагмалингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, структурной лингвистики, лингвостилистики, социолингвистики. Тем не менее, основное разграничение в типологии дискурса – противопоставление дискурса устного и письменного. Оно связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал акустический, при письменном – визуальный. Иногда различие между устной и письменной формами использования языка приравнивается к различию между дискурсом и текстом, однако такое смешение двух разных противопоставлений неоправданно.

Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался большим престижем, чем устный, ясно, что устный дискурс – исходная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного. В доказательство этого можно привести тот факт, что большинство человеческих языков до сих пор являются бесписьменными. После того, как в XIX в. был признан приоритет устного языка, еще в течение долгого времени не осознавалось, что письменный язык и транскрипция устного языка – не одно и то же. Реальное сопоставление устного и письменного дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-е гг.

Различие в канале передачи информации имеет важные последствия для процессов устного и письменного дискурса [11]. Во-первых, в устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а в письменном – нет. При этом скорость письма более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате при устном дискурсе имеет место явление фрагментации: речь порождается интонационными единицами, отделенными друг от друга паузами, с относительно завершенным интонационным контуром (обычно совпадают с клаузами). При письменном же дискурсе происходит интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения.

Второе принципиальное различие, связанное с разницей в канале передачи информации, – наличие контакта между адресантом и адресатом во времени и пространстве; при письменном дискурсе такой контакт обычно отсутствует. В результате при устном дискурсе имеет место вовлечение адресанта и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений 1 и 2 лица, указаний на мыслительные процессы и эмоции адресанта и адресата, использование невербальных средств и т.д. При письменном же дискурсе происходит отстранение адресанта и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога.

Развитие технологий привело к появлению сложного репертуара форм языка и дискурса, таких как печатный дискурс, телефонный разговор, радиопередача, переписка по электронной почте. Все эти разновидности дискурса выделяются на основе типа

носителя информации и имеют свои особенности. Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 10-15 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный дискурс использует графический способ фиксации информации, но, подобно устному дискурсу, отличается мимолетностью и неформальностью (выражающейся в индикации эмоций в форме смайлов и анимации).

Стоит отметить мысленную разновидность дискурса. Человек может пользоваться языком, не производя ни акустических, ни графических следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и адресантом, и адресатом [3].

Одну из оригинальных типологий дискурса предложил Ч. Моррис. На основе выделяемых им по способу обозначения 5 типов знаков – знаков-идентификаторов («где?»), десигнаторов («что такое?»), оценочных («почему?»), прескриптивных («как?») и знаков систематизации (направляющих поведение интерпретатора в отношении других знаков) – он вывел как минимум 4 способа использования знаков: информативный, ценностный, стимулирующий, систематизирующий. Т.к. знаки-идентификаторы локализуют в пространстве и времени уже обозначенные объекты, то 5 указанных типов знаков можно свести к четырем последним. Таким образом, комбинируя способы обозначения и использования знаков, Моррис дает классификацию 16 различных типов дискурса [12].

В работах П.В. Зернецкого классификация дискурсов проводится по объему вкладываемых в них автором мнений об окружающем мире и по степени сложности их речевоздействующих пространств. В связи с этим за основу классификации дискурса берется типология языковых личностей, которая, в свою очередь, обуславливается использованием ими определенных способов речевой деятельности [5].

А.В. Олянич, в свою очередь, выделяет типы дискурса в зависимости от типов потребностей. Так, он связывает потребности в продолжении, власти, вере и т.д. с бытовым интимным, политическим, религиозным дискурсом, соответственно. Нужно отметить,

что с усложнением качества потребностей увеличивается количество дискурсов, поддерживающих их. Особенно справедливо это в отношении эстетических, идеальных потребностей, которые обслуживаются сразу 4 типами дискурса: художественным, глутто-ническим, фикциональным, а также дискурсом этикета [10].

Ряд ученых (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, Ю.С. Степанов, В.В. Красных) классифицируют дискурс по национальному признаку, определяя дискурс русский, немецкий, французский и т.д., который далее подразделяется на дискурс научный, педагогический, политический и т.д. Следует заметить, что определенные английский и русский дискурсы (например, научные) являются не отдельными типами дискурса, а разновидностями данного дискурса, приспособленными к сфере своего функционирования [8].

Для оптимального упорядочивания дискурсивных типов Т.В. Анисимова предлагает составить модель дискурса, включающую необходимое для всесторонней характеристики дискурса количество признаков, которые рекомендуется объединить в три уровня [1]:

1. Системный уровень. Здесь говорится о самых общих признаках, присущих всем типам соответствующей группы, предпринимается попытка установить место дискурсивных типов по отношению друг к другу. В число определяющих признаков входит соотношение с типами речи по цели. Анализ видов речевой деятельности показывает, что все типы говорения можно свести к 4 классам в зависимости от макроинтенции говорящего. Человек производит речевые акты с целью проинформировать кого-либо о чем-либо (познавательная коммуникация), воздействовать на собеседника (регулятивная коммуникация), выразить состояния и эмоциональные отношения (экспрессивная коммуникация), либо для установления контакта, его поддержания, или окончания разговора (фатическая коммуникация). Все остальные типы могут присутствовать и сопровождать названные выше коммуникации.

2. Стратегический уровень. Здесь устанавливается более точная специфика дискурса. Здесь составляется модель дискурса, где указываются его общие признаки. Впоследствии коммуникатор при разработке дискурса придерживается установленной модели, пытаясь не отклониться от разработанного стандарта, который чаще всего задается жестко. Здесь же устанавливается специфи-

ка каждого элемента модели, обеспечивающая в дальнейшем его сознательное применение. Итак, создание эффективной модели общения в соответствии с названными типами предполагает выделение 4 основных названных типов коммуникации: информационного, аргументирующего, социально-ритуального и экспрессивного. Все остальные типы могут присутствовать и сопровождать названные выше коммуникации. Кроме того, перечисленные типы речевого общения редко встречаются в чистом виде; они могут сочетать в себе элементы других коммуникативных разновидностей, т.е. наблюдается явление интердискурсивности.

3. На тактическом уровне условная схема наполняется живым содержанием. Здесь рассматриваются типичная для данного типа дискурса аргументация, композиция, языковые и стилистические особенности, вербальные и невербальные компоненты речи и ситуации общения.

В.И. Карасик отмечает противопоставление личностно-ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного (институционального) дискурса, при этом личностно-ориентированное общение содержит в себе все потенциальные разновидности общения статусно-ориентированного.

В классификации В.И. Карасика, персональный дискурс представлен двумя основными разновидностями – бытовым и бытийным дискурсом. Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми и сводится к поддержанию контакта, решению обиходных проблем. Оно диалогично по своей сути и имеет место на сокращенной дистанции в связи с тем, что участники хорошо знают друг друга и не проговаривают дополнительных речевых формул и уточнений. Бытовое общение – естественный, исходный тип дискурса, характеризуемый спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, выраженной субъективностью, а также нарушением логики и структурной оформленности высказываний. Активная роль адресата в этом типе дискурса предоставляет отправителю речи большие возможности для оперативного переключения тематики, а также для легкого перевода информации в подтекст (например, ирония, языковая игра, намеки и т.д.).

Бытийный же дискурс представляет собой попытку раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве; общение развернуто и предельно насыщено смыслами; оно преимущественно монологич-

но и представлено художественными произведениями, философскими работами и психологическими интроспективными текстами.

В отличие от персонального, институциональный дискурс (согласно современным работам по коммуникативной лингвистике) – общение в рамках статусно-ролевых отношений, речевое взаимодействие представителей социальных групп/институтов друг с другом [7. С. 245]; специализированная клишированная разновидность общения людей, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Таким образом, основной признак личностного дискурса, в противопоставление статусному - стремление выйти на особый, сокращенный вид общения. Так организуется разговор об очевидном и легко понимаемом [6. С. 6-7].

Для определения типа институционального дискурса необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения, цель общения, прототипное место общения. Применительно к современному обществу, лингвисты выделяют следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, спортивный, научный, сценический, медицинский, деловой, рекламный и массово-информационный (этот список не является строго закрепленным). Нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт.

Таким образом, существует множество вариантов классификации дискурсов: на основании интенции говорящего, его языковой личности, потребностей, статусно-ролевых отношений адресанта и адресата и т.д. Для характеристики дискурса ток-шоу в данной статье мы воспользуемся типологией В.И. Карасика, который выделяет личностно-ориентированный и институциональный дискурс и предлагает следующую схему описания последнего: типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [7. С. 189], потому, что только она позволяет узкоспециально рассмотреть каждый отдельный вид дискурса, в данном случае – дискурс ток-шоу.

Ток-шоу – вид телепередачи, в котором несколько участников ведут обсуждение предлагаемой ведущим темы; современный аналог теледискуссии, адресованный «не всем, но каждому». Ток-шоу

характеризуется тем, что ведущий задает большинство вопросов по заранее подготовленному плану. При такой организации передачи практически исключается возможность политической игры, непредсказуемости вопроса и выявление неожиданной информации для компетентного человека; происходит лишь актуализация уже существующей у аудитории информации, при этом, скорее, в развлекательном формате, нежели в информационном, хотя элементы ток-шоу почти всегда присутствуют в информационно-аналитических программах. Стоит отметить, что в некоторых случаях термином «ток-шоу» обозначают любую разговорную передачу, например, беседу за круглым столом или интервью в студии.

Типовые участники классического ток-шоу: ведущий – приглашенные собеседники (эксперты) – зрители в студии. Ток-шоу соединяет приемы журналистики и сценические приемы. Каждый из участников ток-шоу, какова бы ни была его служебная функция внутри программы, одновременно является персонажем заданной ему авторами ток-шоу ролью. Схема данного вида телепередачи довольно проста и беспрюигрышна – герои, зрители, ведущий, вопросы и ответы; многие специалисты считают, что залог успеха ток-шоу – юмор; герой должен уметь смеяться над собой [9. С. 23-28].

Цель ток-шоу – активизировать восприятие содержания, заключенного в передаче с помощью диспута, острых вопросов, высказывания различных точек зрения. Хитрость многих ток-шоу заключается в том, что при внешне свободной форме дискуссии зрителям втолковывается одна, строго ограниченная в своих параметрах позиция.

Ток-шоу отличается тематически и функционально широкой жанровой разновидностью. Ряд исследователей (В. Зверева, Э. Могилевская) считают, что ток-шоу сочетает сущностные признаки интервью, дискуссии, игры, а также концентрируется вокруг личности ведущего. Это – максимально персонифицированная экранная форма. Взаимодействию формы и ее создателя способствуют необходимые личностные качества ведущего: ум, находчивость, обаяние, юмор, умение заинтересованно слушать, пластично двигаться и пр. Существенны и внешние обстоятельства: определенное место и строго соблюдаемая цикличность, рассчитанная на возбуждение в сознании зрителя состояния нетерпеливого ожидания встречи (хронотоп по В.И. Карасику).

Драматургия ток-шоу тесно связана с вопросно-ответной основой этого жанра. Именно форма, качество, вид и логика последовательности вопросов определяют стратегию развития сюжетной линии программы. Основные вопросы задает ведущий, а отвечают на них разные категории участников (герои, эксперты, зрители и т.д.). В зависимости от задачи, которую ставит ведущий на разных этапах программы, используются разные типы вопросов.

Непременными участниками ток-шоу помимо ведущего выступают «герои» – люди, чем-то прославившиеся или просто интересные своими поступками, мыслями, образом жизни. В подавляющем большинстве случаев в студии присутствует нескольких десятков зрителей, возможно наличие компетентных экспертов. Зрители не всегда вовлекаются в разговор; зачастую их участие ограничивается аплодисментами, смехом, возгласами удивления, что создает атмосферу публичности и дает эмоциональную подсказку телезрителю.

Современные ток-шоу имеют самый разнообразный спектр направлений, начиная с советов для домохозяек и народных рецептов, и заканчивая обсуждениями вопросов политики и культуры [4. С. 12-15]. Необходимо, однако, отметить тенденцию к уменьшению и/или ограничению количества форматов, посвященных политическим сюжетам, а также касающихся вопросов интеллектуальной и культурной жизни; на передний план выходят темы повседневности (ценности по В.И. Карасику). Производители телевизионной продукции рассуждают о перспективности этого направления, усталости зрителей от политики и их желании видеть на экране передачи, отражающие трудности и радости обычной жизни, где жизнь – сфера житейских отношений, все, связанное с устройством семьи, детьми, родственниками, друзьями, бытовыми вопросами. Много реже выпуски программ затрагивают социально значимые проблемы, такие как преступность, экология, демография.

Таким образом, можно сделать вывод, что ток-шоу – вид институционального дискурса, т.к. предполагает статусно-ролевые отношения и может быть описан по схеме институционального дискурса, предложенной В.И. Карасиком; у ток-шоу есть типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы.

Список литературы

1. Анисимова, Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2000. – 46 с.
2. Бацевич, Ф. С. Очерки по коммуникативной лингвистике. Львов : Издательский центр ЛНУ им. Ивана Франко, 2003. – 281 с.
3. Выготский, Л. С. Мышление и речь. М. : Смысл, 2005. – 1136 с.
4. Зверева, В. Истории, рассказанные для всех // *Kinoart*. – 2005. – № 10. – С. 12-15.
5. Зернецкий, П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // *Язык, дискурс, личность*. Тверь : Тверской государственный университет, 1990. – С. 60-68.
6. Карасик, В. И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5-20.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) : монография. М. : Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.

References

1. Anisimova, T. V. Tipologija zhanrov delovoj rechi (ritoricheskiy aspekt. Krasnodar : Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2000. – 46 s.
2. Bacevich, F. S. Ocherki po komunikativnoj lingvistike. L'vov : Izdatel'skiy centr LNU im. Ivana Franko, 2003. – 281 s.
3. Vygotskiy, L. S. Myshlenie i rech'. M. : Smysl, 2005. – 1136 s.
4. Zvereva, V. Istории, rasskazannye dlja vseh // *Kinoart*. – 2005. – № 10. – S. 12-15.
5. Zerneckiy, P. V. Chetyrehmernoe prostranstvo rechevoj dejatel'nosti // *Jazyk, diskurs, lichnost'*. Tver' : Tverskoj gosudarstvennyy universitet, 1990. – S. 60-68.
6. Karasik, V. I. O tipah diskursa // *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs*. Volgograd : Peremena, 2000. – S. 5-20.
7. Karasik, V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.
8. Krasnyh, V. V. Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikacija) : monografija. M. : Dialog – MGU, 1998. – 352 s.

9. Могилевская, Э. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования // RELGA. – 2006. – № 15. – С. 23-28.

10. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.

11. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago : The University of Chicago Press, 1994. – 327 p.

12. Morris, C. W. Signs, Language and Behavior. New York : Prentice-Hall, 1946. – 365 p.

9. Mogilevskaja, Je. Tok-shou kak zhanr TV: proishozhdenie, raznovidnosti, priemy manipulirovanija // RELGA. – 2006. – № 15. – S. 23-28.

10. Oljanich, A. V. Prezentsionnaja teorija diskursa. Volgo-grad : Paradigma, 2004. – 507 s.

11. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago : The University of Chicago Press, 1994. – 327 p.

12. Morris, C. W. Signs, Language and Behavior. New York : Prentice-Hall, 1946. – 365 p.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ДЕТСКИХ ИГР
(по материалам «Словаря советского детства»)

А. В. Сидоренко

В статье анализируется терминология ребенка, используемая в активных играх на свежем воздухе. Автор рассматривает термины и устойчивые выражения, не зафиксированные словарями в контексте их использования.

Ключевые слова: детский лепет, терминология, «словарь Советского детства».

Лексика детских игр является частью активного словаря ребёнка, однако зачастую она не зафиксирована лексикографическими изданиями. Целью настоящей статьи является анализ ряда лексических единиц, наиболее частотно употребляющихся в детских дворовых играх. Материалы статьи войдут в готовящийся к печати «Словарь советского детства».

Прежде всего следует указать на слова, являющиеся частью общей терминологии детских игр. Так, слово маяться, согласно толковому словарю, имеет два значения: «1. обычно чем. Испытывать физические или нравственные страдания; изнемогать ... 2. Томиться, изнывать» [1. С. 527]. В детской речи ему свойственно переносное значение «исполнять в какой-либо игре роль догоняющего или водящего» (синоним – водить в следующем значении: «Разг. В подвижных играх: выполнять наиболее активные функции согласно правилам игры (догонять, искать и т.п.)...» [1. С. 139]), как это происходит в догонялках – популярной подвижной игре на свежем воздухе. Для участия в ней необходимо минимум три игрока, один из которых назначается мающим. Тот, кто мается, обязан догнать любого из участников игры и коснуться его (замаять) и т.д. Иногда необходимо попасть броском в кого-либо из игроков тряпкой или иным мягким предметом (чаще всего – элементом одежды). В этом случае предмет объявляется тифозным (от названия болезни «тиф»), а тот, кто мается, называется тифозником (тифозом). Игра часто сопровождается раздающимися пре-

зрительными выкриками игроков: «Фу! Тифоз!». Чаще всего такая игра начинается спонтанно после того, как один из ребят кидает другого тряпкой и объявляет её тифозной. Реже используется наименование сифак (от названия болезни «сифилис»).

Пародийно эта ситуация представлена в шутовском названии воображаемой игры «Догони меня, кирпич!», которое обычно употреблялось в следующем контексте:

- Давай поиграем.
- Во что?
- В “Догони меня, кирпич!” Первый кон маюсь (маю), второй – не играю / Первый раз бросаю, больше не играю!

Термин маяться представлен в целом ряде игр, помимо догонялок, – выше ножки от земли, столбики, слепой голубь – и закреплён в устойчивом обороте дразняще-оскорбительного характера: маяется – говном питается!

Во многих играх необходимо определить составы команд, для чего будущим участникам приходится маткаться – такое наименование имеет своеобразная процедура жеребьёвки. Матками называют двух капитанов (лидеров) команд, набирающих себе игроков. В несколько пар объединяются игроки приблизительно равного мастерства, чтобы команды были равноценными (это особенно важно в футболе, хоккее и иных спортивных играх). Отойдя в сторону, участники пар договариваются, кто будет, к примеру, «Москва», а кто «Уфа» («береза» и «дуб» и т.д.). Затем они подходят к одной из маток и задают вопрос: «Москва или Уфа?». В зависимости от ответа игрок становится членом той или команды. Следует отметить, что при отсутствии в толковых словарях лексемы маткаться фиксируется следующее значение слова матка: «5. Нар.-разг. О предводителе, вожаке в некоторых играх (в лапте, рюхах и т.п.)» [1. С. 525]. Очевидно, что именно этот лексико-семантический вариант является мотивирующим для глагола маткаться.

В разнообразных играх с футбольным мячом (футбол, пигмень, сало и др.) можно выделить ряд лексических единиц, обозначающих универсальные явления и ситуации. Так, сложное существительное вратарь-водила обозначает амплу футболиста, совмещающего функции полевого игрока и голкипера. Вторая часть наименования произведена от глагола водиться, что обозначает процесс дриблинга. Термин употребляется исключительно в детской среде.

В Москве, Твери (и, возможно, в других городах) в данном значении используется термин вратарь-гоняла (от гонять мяч). Реже встречается употребление вратарь-игрок. Наличие же самого явления обусловлено тем, что в дворовом футболе отсутствие необходимого количества игроков зачастую компенсируется совмещением одним футболистом двух указанных функций. Так, при наличии неравных составов (5 на 6, 4 на 5 и т. д.) заранее оговаривается, что в одной команде играет вратарь-водила. Обычно к игре в поле вратарь приступает после выкрика «Я – вратарь водила!», что по неписаным правилам дворового футбола призвано предупредить участников игры о данной смене амплуа. Кроме того, это служит своеобразной компенсацией ограниченной роли стража футбольных ворот. Последнее обстоятельство хорошо объясняет, почему в дворовом футболе найти желающих встать на ворота часто довольно непросто. Несмотря на важность этого амплуа для успеха в игре, роль вратаря зачастую достается наименее умелому игроку, поскольку основное внимание уделяется атаке. При этом за попущенный мяч вратарь несет моральную ответственность, что также отражается в наличии специальных слов. Так, если мяч проходит между ног вратаря, считается, что он пропускает в очко (на основе арготического значения «Пах, половые органы, пространство между ногами»), а особенно неудачливый голкипер именуется вратарём-дыркой.

В иных случаях игре предшествует специальное состязание на вратаря, по итогам которого проигравший становится «в рамку». В этой ситуации чаще всего участники соревнуются в важнейшем умении обращения с мячом, обозначаемом термином набивать, т.е. подбрасывать мяч вверх (чаще всего одной ногой), не допуская касания его земли. Каждый поочерёдно набивает мяч ногой, при этом в зачет идет только результат больше двух. Если попытка не очень удачная, но набивающий успевает поймать мяч рукой (спасти), он может начинать сначала.

Следует отметить, что набивалы – одна из важнейших дворовых мальчишеских игр, необходимая для отработки техники владения футбольным мячом. Обычно рекорды двора измеряются сотнями раз. На этом умении основана такая популярная игра с футбольным мячом, как король (иногда и ее именуют набивалами). Победителем в ней оказывается тот, кто быстрее пройдет все 4 необходимых этапа: 1) набить ногой 10 раз; 2) сделать то

же коленом; 3) рукой; 4) головой (иногда 20, 15, 10 и 5 раз соответственно).

Наряду с терминами, лексика детских игр включает в себя и ряд устойчивых оборотов. Так, играм часто предшествует произнесение речевой формулы-призыва, например: «Собирайся народ, кто в ... (название игры) играть идёт». Произносящий формулу выставляет вперёд кулак с поднятым вверх большим пальцем. Желающие играть хватаются кистью за палец его руки, выставляя свой вверх и т.д. Также популярна фраза «Кто со мной, тот – герой. А кто без меня – тот сопливая (паршивая) свинья», после которой следует присоединиться к произносящему.

Существуют и активно употребляются рифмованные речевые формулы, позволяющие взять тайм-аут. Так, выражения «Утки-утки, я на три минутки», «Чик-чирик, я в домике», «Волга-Волга, я надолго», «КамАЗ, КамАЗ, я на целый час», «Шишки-мышки, я на передышке» используются в процессе игр при форс-мажорных обстоятельствах, что позволяет на некоторое время отступить от правил, но вскоре вновь включиться в игру.

Эти примеры показывают, что детская игровая терминология чаще всего не зафиксирована словарями, однако представляет активный пласт лексики, известный на обширных территориях, где русский язык является основным средством общения.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Автор и руководитель проекта, гл. редактор С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Avtor i rukovoditel' proekta, gl. redaktor S.A. Kuznecov. SPb. : Norint, 2000.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

М. А. Сиривля, Н. Н. Король

Статья посвящена определению лингвокультурной компетенции носителей русского языка в лексике пассивного запаса, проблеме понимания устаревшей лексики, установлению уровня понимания, а также способы интерпретации значений устаревших слов современными носителями русского языка.

Ключевые слова: лингвокультурная компетенция, пассивный запас лексики, устаревшая лексика, архаизмы, историзмы, архаизация, интерпретация.

Социально-политическая ситуация в обществе, снижение культурного уровня носителей языка, изменение геополитической ситуации приводят к изменениям языка, трансформациям культурных ценностей. Язык объединяет и определяет культурные знания его носителей. «Зрелость личности невозможна без понимания культуры, которая настраивает и мысли, и язык, поэтому одним из критериев зрелости личности может стать лингвокультурная компетенция» [4. С. 128], которая состоит из знаний главенствующих элементов языка и культуры и отражает особенности общества, которому принадлежит. Ценностные ориентиры общества закреплены в знаниях старшего поколения, которое, как правило, демонстрирует высокий уровень лингвокультурной компетенции, в частности, во многом свободно оперируют знаниями устаревшей лексики. В то время как молодое поколение, обладающее низким уровнем лингвокультурной компетенции часто не владеет знаниями устаревших слов. В этой связи формируется противоречие между компетенциями носителей русского языка разных возрастных групп. При этом возникает проблема понимания и взаимопонимания, в частности, при знакомстве с классическими образцами русской литературы и культуры. В этой связи исследование уровня понимания устаревшей лексики носителями русского языка представляется особенно актуальным. Однако необходимо отме-

тять, что изменчивость языка – это совершенно естественное его состояние, показатель развивающейся системы. Одним из важнейших процессов, происходящих в любом языке является процесс архаизации и актуализации слов. Архаизация – это постепенный процесс устаревания лексической единицы, переход из активного словаря в пассивный [1. С. 30], актуализация – повышение частотности употребления, усиление значимости слова в языке.

Устаревшие слова являются необходимым элементом речи при необходимости создать колорит эпохи. Преимущественной сферой распространения устаревшей лексики являются классические художественные и исторические тексты, сценарии исторических фильмов.

К устаревшим словам относятся историзмы – вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех понятий, которые они обозначали [3] и архаизмы – слова, которые в процессе развития языка были заменены синонимами [2. С. 54].

В настоящее время отмечается снижение объема словарного запаса у многих носителей русского языка, что, в частности проявляется в непонимании устаревших слов. Определение уровня понимания архаизмов и применения полученных знаний поможет предотвратить обеднение лексикона современных носителей русского языка и повысить уровень культурной грамотности при использовании правильного методического подхода.

Чтобы выявить уровень понимания устаревших лексических единиц и определить их процентное соотношение, было проведено исследование методом группового анкетирования граждан Казахстана и России. Всего в опросе участвовало 230 человек. 115 из них – граждане Казахстана – студенты Костанайского филиала Челябинского государственного университета, остальные 115 человек – граждане России, среди них основная масса – студенты различных вузов, а также учащиеся средних школ, преподаватели средних школ и представители других специальностей.

В результате проведенного эксперимента были получены результаты, отражающие особенности восприятия предложенных архаизмов в языковом сознании современных носителей русского языка. Обработка результатов проведенного эксперимента позволила обобщить результаты, данные опрошенными лицами, и получить общее представление о степени понимания / непонимания значений устаревших слов современными носителями русского языка.

Анализ полученных результатов позволил выявить шесть уровней понимания значений устаревших слов современными носителями русского языка: полное (адекватное); частичное (неполное); ложное; глубокое; понимание слова в переносном, либо в каком-то другом значении; отсутствие какого-либо понимания вообще. На каждом уровне понимания имеются различные способы интерпретации предложенных архаизмов.

В случае полного понимания даются следующие варианты интерпретации значений устаревших слов: 1) словарная дефиниция (Длань – ладонь); 2) синонимическая интерпретация слова, т.е. объяснение значения слова через подбор синонимов (Егоза - непоседа, игривая, озорная).

При частичном понимании ответы построены следующим образом: «Ланиты – какая-то часть лица».

Результаты эксперимента показали, что информант может интерпретировать значение слова неадекватно, ложно. При ложном понимании слова могут быть следующие ответы: «Виждь – вождь», «Вья – дерево». В ходе исследования было выведено очень много интересных, и даже неожиданных определений слов.

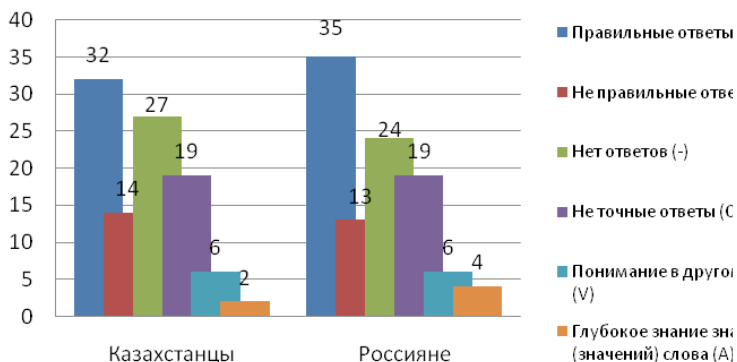
Носители современного русского языка нередко понимают устаревшую лексику в сопоставлении с современными реалиями, в частности, архаизм «перси», воспроизводится современными реципиентами через лингвокультурологические знания. В настоящее время, под влиянием средств массовой информации и киноиндустрии этот архаизм соотносится с американской версией звучания имени «Персей» – [Persi] – в русском варианте – Перси. Это имя используется в названии фильмов (саги) о Перси Джексоне, который, по легенде, приходится сыном Посейдону (древнегреческому богу) и назван в честь легендарного героя Персея. Многие современные носители русского языка, участвовавшие в эксперименте, при толковании архаизма «перси» ссылаются именно на этого героя.

Результаты проведенного эксперимента подтверждают отмечаемую для современной языковой ситуации в Казахстане и России тенденцию к обеднению лексикона и снижению уровня общей и речевой культуры современных носителей русского языка, в первую очередь современных школьников, учащихся средне-специальных учреждений и студентов высших учебных заведений.

Уровень понимания устаревшей лексики в Казахстане более низок в сравнении с уровнем понимания архаизмов и историзмов в России.

Результаты анкетирования в Казахстане таковы: 32% правильных, 14% неправильных и 27% отсутствующих ответов соответственно. Уровень понимания устаревшей лексики россиянами более высок, и составляет: 34% правильных, 13% неправильных и 24% отсутствующих ответов соответственно.

Уровень понимания устаревшей лексики современными носителями русского языка в Казахстане и России

В ходе анализа уровня понимания устаревшей лексики были сформулированы следующие выводы:

1. В наибольшей степени всеми составляющими национальной культурной компетентности, в частности, правильным пониманием устаревшей лексики, владеют так называемые интеллектуалы, т.е. люди, имеющие высшее образование, а также люди в возрасте от 40 лет и старше, преимущественно правильно дают толкование устаревшей лексике.

2. Низкий уровень лингвокультурной компетенции в устаревшей лексике показали современные школьники (лица от 15 до 17 лет), что свидетельствует об ограниченности коммуникативных компетенций и обеднении лексикона современных носителей русского языка.

3. Уровень понимания устаревшей лексики казахстанских женщин более высок, в сравнении с уровнем понимания предло-

женных архаизмов и историзмов российских женщин. И наоборот, российские мужчины более осведомлены в этом вопросе, чем казахстанские мужчины.

Анализируемые разряды лексических единиц играют значимую роль в лексико-семантической системе современного русского языка, а также в языковом сознании его носителей, следовательно, необходимо предотвратить обеднение лексикона современных носителей русского языка, поскольку лингвокультурная компетентность – это та часть культурной компетентности, которая ответственна за коммуникативное поведение личности в рамках данной лингвокультуры.

Взаимосвязь языка и культуры осуществляется посредством языковых знаков, в частности, основы понимания законов развития общества, образования исторических закономерностей формируются через понимание исторических документов и текстов классической литературы, насыщенных устаревшей лексикой. Низкий уровень понимания историзмов и архаизмов в среде социально активного населения определяет необходимость детальной разработки материалов уроков как русского языка, так и литературы в школьной среде.

Список литературы

1. Дудка, Ю. К. Некоторые особенности архаизации лексики языка ГДР // Успехи современного естествознания. 2007. №8. С. 30–32.
2. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. М. : Айрис-Пресс, 2011. 300 с.
3. Русские историзмы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istorizm.ru>
4. Халупо, О. И. Базовые единицы лингвокультурной компетенции носителя языка // Язык и культура. 2012. №2. С. 123–132.

References

1. Dudka, Ju. K. Nekotorye osobennosti arhaizacii leksiki jazyka GDR // Uspehi sovremennogo estestvoznanija. 2007. №8. S. 30–32.
2. Rozental', D. Je. Sovremennyj russkij jazyk / D. Je. Rozental', I. B. Golub, M. A. Telenkova. M. : Ajris-Press, 2011. 300 s.
3. Russkie istorizmy [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.istorizm.ru>
4. Halupo, O. I. Bazovye edinicy lingvokul'turnoj kompetencii nositelja jazyka // Jazyk i kul'tura. 2012. №2. S. 123–132.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

THE QUESTION OF “FIEDLITY” AND “TRANSPARENCY” TO DESCRIBE WAYS OF TRANSLATING

Elona Ndoci

Approaches which requires to apply in any translation

When it comes to translation, there are some inevitable problems mainly related to norms and criteria that facilitate the translation process.

The fact is that the semantic issue in a translation process may involve both theoretical and technical features, but if the technical aspect of translation is the form, the theoretical one includes different variations of semantic, contextual logical phrases or the so-called effort for “freedom”.

The connection of the original literature work with the translation carries a whole range of human thoughts and actions such as communication, tradition, history or science. But of course, this does not mean that these areas should be included for the purpose of the technical specification in translation moments¹. On the other hand there is more or less an elaborated version of the translation format in strictly linguistic boundaries.

Never before in the history of the world have there been so many persons engaged in translating various materials, from artistic literature to social, political, scientific, technical, legal and other materials. It is estimated that at least 100 000 persons dedicate most or almost all their time to such work². With this huge increase of translation, new concepts about it have been formed and a new focus has been created. The older focus in translation was the form of the message, and translators took particular delight in being able to reproduce stylistic specialties, e.g. rhythms, rhymes, plays on words, chiasmus, parallelism, however, has shifted from the form of a message to a response of the receptor. Therefore, what one must determine is the response of the receptor to the translated message. This response must then be compared with the way in which the original

¹ Mounin G, *Teoria e storia della traduzione*, Torino, Einaudi, 1965.

² Beniamin W, *Il compito del traduttore. La teoria della traduzione nella storia*, Torino, Bompiani, 1993.

receptor presumably reacted to the message when it was given in its original setting.

Hence, we come to the definition that translation process consists in reproducing in the receptor language the closest natural equivalent of the source language message, first in terms of meaning and second in terms of style. Let's explain this definition.

To reproduce the message, translating must aim primarily at "reproducing the message". To do anything else is essentially false to one's task as a translator. But to reproduce the message one must make many good grammatical and lexical adjustments, because every language has its own genius, that is to say, each language possesses certain distinctive characteristics which give it a special characters, e.g. word-building capacities, unique patterns of phrase order, techniques for linking clauses into sentences, etc. Each language is rich in vocabulary for the areas of cultural focus (Albanian in some folk costumes, customs, special musical instruments, etc). Other languages are rich in the development of figurative language, etc. In order to communicate effectively one must respect the genius of each language, by exploiting the potentialities of the language to the greatest possible extent. But how can this thing be done? Firstly, it is linguistics which gives an answer to this question on a scientific plane.

In Albanian we may choose between "punëtor" and "punëtore" while in English we can find the word "worker" for both genders. But if we have to translate "punëtore" into English, we find a solution in lexical combination "female worker" that gives us the idea of speaking about a woman not a man. In a nutshell, we find the solution in the receptor language itself³.

Other lexical adjustments have their own significance. For example, the English idiom "to run with the hare and hunt with the hounds" cannot be literally rendered into Albanian if one really wants to communicate the message of the source language for though we have the words "vrapi me lepurin dhe gjuaj me zagarin" in Albania, we simply do not employ this combination. A meaningful /equivalent is "dy kunguj nën një sjetull nuk mbahen", and it is precisely in this manner that many translations attempt to reproduce the significance of this source-language expression⁴.

³ Hadaj G, *Vertetesia artistike e origjinalit ne perkthim nepermjet karakterizimit gjuhesor*; Nentori, 1984, 8.

⁴ De Mauro T, *Teorie contemporanee della traduzione*, Milano, Bompiani, 2002

Every language has its grammatical structure, its syntactical structure which differs from those of another language. Adjustments become necessary. For example, English employs certain nouns which are singular in form but which express plurality, in Albanian they must be rendered by a plural (information-informacione, njoftime, informata). Every language employs its own grammatical categories to express the same idea.

Another problem posed to a translator is the significance of style. Though the style is secondary to content, it is nevertheless of very great importance. One should not translate poetry as though it were neither prose, nor expository material as though it were straight narrative. We may mention literary, poetical, scientific, technical, professional jargon, colloquial, slang, and other “languages”. It is linguistics which makes us conscious of all these registers of the same language, which explains us why it is not always satisfactory to translate Shakespeare into the language of Kadare⁵, into the language of Hemingway, etc. It is the task of the translator to find out all the stylistic devices and differences which makes up a certain style, study them and then try to find the equivalence in the receptor language which will cause the same effect to the reader as does the original. Thus we can draw the conclusion that the reproduction of style is done on the same basis as the reproduction of meaning that is on the basis of equivalence rather than identity.

All these three aspects of translating mentioned above make one think that language is its object of investigation, and then it should be included in the science of linguistics. Furthermore, this book addresses the problem of translating primarily in terms of a scientific orientation to linguistic structures, semantic analysis, etc. Yet, linguistics is not a “magic wand” for the translator. It only prepares them to reflect on what they do, in a less empirical, less subjective, more ordered and coherent manner, it offers them the most rigorous and fine instruments to analyze the difficulties they come across. The aim of linguistics is not to form translators but to inform them; not to teach them their art, but to transform this art into an infallible science, which through the explanation of language phenomena makes them acquire a general and more complete culture. In the meantime, we do not lose sight of the fact that translating is far more than a linguistic science. Today, to translate does not only mean to respect the structural or linguistic sense of the text (its lexical and syntactical content) but also the entire sense of the message (with the en-

⁵Kadare I, *Perkthimi eshte dicka universale*, Mehr Licht, 1997,3.

vironment, time, culture, in short, the whole civilization it comes from). Therefore it is an intersection of many other sciences such as literature, aesthetics, logics, philosophy, and quite recently, mathematics)⁶.

Edmondo De Amicis and his relation with his readers

Along with the novelist lawful concern in search of the idealized truth over life time experience of the people, along with feelings and impressions that are generated and displayed due to the author's fantasy as well, De Amicis never forgot about his reader and his reality, the daily life in general and its elements. He takes for granted the idea that art can be portrayed in four dimensions that are: universe, artwork, author and the public. Therefore, he argues that the novelist does not write with the aim to test interpreting ability of the reader, but to get feedback (understand) from them⁷. Despite the fact that a translated text transmits a message that can have a variety of interpretation, it is also created in that way to own a core of unchanged or well specified meanings that can be understood by a well informed reader who has sufficient knowledge about linguistic issues and writing style and form used by the writer. Therefore the communication between the author and his readers implies a certain relation established by a text written to reflect social, political, historical, psychological world, respectively the outer reality, to recognize and believe the characters, subjects, events and settings that are close to those life-like.

One of the methods that the author has used to preserve his authenticity and to make his characters and his work more believable, also proved in one of his story, was the straightforward observation and recognition of famous people's typical way of acting, behaving and talking that later on will be embodied in his writing.

Examples of teachers, children and soldiers.

Nevertheless the depiction and reflection of the reality, especially for those writers interested in " these melancholy shades of life prevailed by poverty and miseries", continuously portrayed errors (problems) for the only reason that every each author who was seriously involved with the portrayal of main characters belonging to the dark world crime and disgrace, cannot miss the detailed portrayal of the lower class people's life and world.

⁶Montecot C, *Mbi rolin e perkthyesit ne percjelljen e vlerave kulturore midis popujve*, Mehr Licht, 1997, 3.

⁷De Amicis E. *Atdhetari i vogel padovan*. Sirena e vogel nr. 14 shkurt 1995.

Edmondo De Amicis and his social -political concepts.

De Amicis's viewpoints related to the permanent mission and task of literature are intertwined with his social and political concepts. The whole picture of the Italian society of XIX depicted in the writer's work, although every reader can give reins to his/her imagination, is too dark and hopeless, with pervasive hostility and limited chances to live happy in a very truncated civilization. But Edmondo De Amicis can be read and interpreted in a different way, implying unstinting optimism and faith, strongly related with moral strength of the writer to encourage both of them. It is the task of the writer to serve to his readers, life-like patterns of human behaviors and ensure such visions of morality and goodness as opposed to vices. The importance of this relies on that societies are established or destructed based on literature's myths due to huge influence of art over the whole society. De Amicis faith and conviction that the power of art can positively impact on people, stems from his Christian vision and his belief that somewhere in general do exist the regulation and the goodness as opposed to anarchy and vices. This is mainly important in a world that is undergoing quick changes and new conditions are replacing the old one; in a world that is transformed from an old pre industrial society in a new are of industrial civilization; the change of urban role, especially metropolitan cities that are considered as the pillar of transformation, to ensure the practice of good behavioral patterns.

Doing an analysis of stylistic elements and indicators used in the work of Edmondo De Amicis, part of his writing style, we should distinguish between author's language (mostly as a narrator) and character's language, both languages as evidence of Italian language conditions of that time and as main instrument of portrayal and definition of the characters.

The success of the literature work firstly consists in the ability of the author to depict in details the daily life of a student in an Italian city, his thoughts and feelings, his love for his teachers, educators, parents and other adults. The author takes us into a tour into different social classes and settings, into families of workers and laborers but through the main character. The book is presented as a composition of different events from school and family life and beyond. The events are simple, reliable and life-like.

The writer dedicates his book entirely to children of age 9 to 13 years old, presenting the stories in the form of a diary kept by a student during his school year. Of course, we may not easily believe the notes taken by a 8-9 year old child, especially the beautiful language used

to describe his friends, to judge the society he lives in and to form his mature thoughts about for everything in his life. This can also be found in the preamble of this book: “the published version is not the same as the original writing of the student, for sure. He used to take notes day by day in a notebook, write down his random thoughts toward everything he sees, hears or thinks, inside and outside the school. These pages were written by his father at the end of the school year”.

The author has titled the summary “Heart” on purpose because this word corresponds to the plot and gives clearly the main idea of this work. Edmondo De Amicis dedicates his love to his homeland, to a friend, to a parent, to qualities of character, to pure feelings, but in many episodes he makes use of the word “heart” toward a broader and valuable sense: in the sense of resistance against difficulties and risks, courage and the will to go forward. The author looks at the student as a little soldier of a huge army and his shout “heart, little soldier”, sounds like a call for a forward move.

He hopes that being good to people and giving different gifts to them, can serve as a way to lift people from poverty and the whole nation from the misery it had been stuck. This demonstrates that De Amicis, the writer, was very influenced by the idea of utopian socialism, and therefore he believes and hopes that the politeness, school and knowledge are elements that can mitigate the deep differences existing in between social classes.

At the end of his life, De Amicis realized that preaching and shouting in the name of love was too little to alter the miserable life of Italian laborers and peasants.

Some lacks and gaps in the author’s perception can be comprehensible if we were to take into account the area and circumstances of his life. However, we see that De Amicis shows a great affection for life and justice, for people devote their life to work; he admires people with strong character and has been always an optimist. Above all, he remains loyal to the truth and to humble people as well as beloved writer to million readers⁸.

His precise depictions, perceptively remarks, ability to get an insight into children’s world, his love for them, and abundant sincere style, all these give his work a huge value for education⁹.

⁸ De Amicis Edmondo, *Cuore*, Fratelli Treves, 1886.

⁹ Guglielmi, M, *La traduzione letteraria, Letteratura comparata*, Milano, Bruno

The destiny of “Cuore” work around the world

“Cuore” is one of the famous and most translated Italian literature works for children around the world. It has been published 40 times since the year of its first edition and after 50 years it has been sold in 1 million copies “an incredible figure if we refer to the high rate of illiteracy in the Italy of that time.”

In 1902 standing in one compartment of his library containing foreign publishes of the “Cuore” work, De Amicis claims proudly and curious :

“And here you can see the third library, with more than 300 volumes and in most of them I am not capable to even understand a single letter, but fortunately others have told me that these foreign editions are so close to the original version. This is that part of library filled with translated publications, where you can spot the wonderful work of Putnam Brothers from New York and 25 “Cuore”, among you can find one copy in Russian, another in Greek and another one in Arabian language. The beautiful Italian word “cuore” is translated in other languages: Sziv, Serce, Srdce, Pamietnik, Chlopca, Iongensleven, Kamarateren, Skol-historia, Hiertet parete sted, followed by strange drawings of Italian soldiers in army uniforms of all European countries and those of characteristic houses of Torino designed by a fantastic architecture.

Having the usual tendency to accept all visual changes, De Amicis appreciate the idea of spreading the “Heart” in every corner of the world and to different nations. Almost a year after the publish of his original work, his masterpiece has been translated in Polish, Portuguese and Spanish, and two years later in Dutch, Hungarian, Serbian , Greek and three years later in German and Russian. Six years later it has conquered the market in English and French and ten years later it has been exotically depicted and translated by a Chinese translator.

This work had the same success in Albania¹⁰. This fact is mainly supported by the huge number of copies translated. The success and the plot of the work were so important that it was part of primary schools curricula as a required textbook. Furthermore, the work has been republished and here we can mention the first edition of 1977 by Naum Prifti followed by another republic in 1993.

Some of the “Cuore” translations:

Mondadori, 2002.

¹⁰Ymeri E, *Nga mendimi kritik shqiptar per perkthimin*, Ylli, 1989,8.

Karl Gurakuqi 1923.

Karl Gurakuqi 1932 (republish)

Halit Selfo, Tirane, 1957

Elaborated by:

Fran Ndocaj, Prishtine, 1964

Anton Cetta, Prishtine, 1973

Naum Prifti, «Naim Frashwri», 1973

Naum Prifti, « Flaka e vllazerimit», Shkup, 1993.

Consideration

At the time translation is also a skill, a technique. It has its own technical rules to be followed which we we'll learn in the course of our lectures. Moreover, to be a good translator, one should practice it. By training and practice, one feels more at ease with it. Through intensive training, one acquires, so to speak, a certain degree of skill or technique.

But in the ultimate analysis, fully satisfactory translation is also an art. The translator has to exercise his creative faculties, his technical inventions. The translation of literary works especially, requires more than mechanical processes. The translator must be as competent an artist as the author of the original. The existence of possible alternatives between which the translator must make his own choice is the essence of this art. In the original writing the author may appear blunt or subtle, hesitated or fluent, sober or cheerful, majestic or paltry; given this fact the translation should bear the same form of writing including any of this feelings and this depends all on the wit and skill of the translator.

References

1. Beniamin W, Il compito del traduttore. La teoria della traduzione nella storia, Torino, Bompiani, 1993.
2. Kadare I, Perkhthimi eshte dicka universale, Mehr Licht, 1997,3.
3. Hadaj G, Vertetesia artistike e origjinalit ne perkthim nepermjet karakterizimit gjuhesor, Nentori, 1984, 8.
4. De Mauro T, Teorie contemporanee della traduzione, Milano, Bompiani, 2002.
5. De Amicis E. Atdhetari i vogel padovan. Sirena e vogel nr. 14 shkurt 1995.
6. Guglielmi, M, La traduzione letteraria, Letteratura comparata, Milano, Bruno Mondadori, 2002.
7. Ymeri E, Nga mendimi kritik shqiptar per perkthimin, Ylli, 1989,8.

**A CASE STUDY ON THE ROLE OF GRAMMAR
IN ENGLISH SECOND LANGUAGE ACQUISITION**

Dr. Suzana Samarxhiu (Gjata)

The main aim of language is communication. The latter is a function of social and human interaction. One of the features that distinguish human beings from other beings is the ability to communicate at a structural level and through formal use of language. Language is not a simple objective reality, and therefore the study of language in any aspect or its components is seen as necessary. In one of the many aspects of language study, we mention its historical aspect, because the laws of language development can only be understood if they are studied in relation to the society, the history of the people, who are the creator and owner of this language. Given the view that language is the basic factor for the expression of perception, feeling, thought and judgment, learning, its cultivation and development should be understood not only as a need or intercommunication tool, but also as an essential factor for the proper development of linguistic competence, personality, consciousness and cultural and social identity.

Language is realized through grammatical structures (morphology and syntax). The grammar of a language exists whether we notice it or not. Language is a set of rules as union of words in the sentence is not carried out through an arbitrary combination, but according to a regulatory system that has any language.

Our aim is to present students' views on the importance of grammar in second language acquisition. It is noted that the teaching of foreign languages in favor of the development of communication skills leads to a lack of students' knowledge on grammar.

Keywords: role of grammar, second language acquisition, students, teachers

1. Introduction

For most researchers grammar helps foreign language acquisition. But, it is not surprising that there are those researchers who argue the opposite. Prabhu (1987:78-86) for example, believes that the develop-

ment of competencies depends on factors that develop students' efforts to communicate in a foreign language and not systematization of linguistic structures.

Corder (1981:287), Newmark (1996:77-87), Terrel (1977:325-336) sustain Prabhu. They claim the study of grammar has negative impact on students. This view is defended even by Krashen (1982:435), who disputes on the explicit and implicit knowledge.

Explicit knowledge is obtained through submission of grammar rules by the teacher, whereas the implicit knowledge is obtained through various communication activities in the class.

Although Krashen (1985: 694) favors implicit method, he acknowledges the instructions given in advance about some linguistic structures rules, help the student in foreign language acquisition. Krashen states that students should have favorable conditions for the acquisition of language, so he proposes that:

1. The language used in the classroom should be understood;
2. Teaching should be complied with communicative activities, which are of interest and importance to foreign language acquisition by children;
3. There is no need to follow a certain program to teach grammar to the students;
4. Material assigned students to learn should be limited in quantity.

On the other side, Long (1983: 359-382) argues that Krashen's theory is contradictory and difficult to maintain. Long did eleven studies and concluded that children and adults, who had learnt a foreign language through grammar rules, were more advanced than those who learnt it through communication activities.

Other studies which relate to the importance of grammar in language acquisition are those of Rubin (1975: 41-51), Reiss (1985: 511-523), Lennon (1989: 375-395), Widdowson (1990: 161) who argue that the student cannot take knowledge of the language system only through communication activities, because the speakers' attention focuses on understanding. Nunan(1991:346) strongly supports the teaching of grammar. He says grammar exists to enable us to "understand". Without grammar is impossible to communicate beyond a specified level. Ellis (1989: 305:328) claims that not few students fail to recognize some grammatical concepts. After an unfavorable period, the teaching of grammar is back nowadays at the for-

eign language. This means that it is essential for anyone who learns a foreign language.

After examining ideas about the role of grammar in foreign language acquisition, we believe that grammar has an important role in this process. We support those scholars who think grammar exists to enable us to communicate. Without grammar is impossible to communicate beyond a beginner level. Learning grammar communication develops our skills in a particular language, which is not our mother tongue. For example, studying the morphology of a foreign language is very important for the development of the vocabulary. This process is important because, knowing the words of a certain language, we easily use it. This knowledge helps in distinguishing words and use them in a proper context. On the other hand, the syntax serves on the acquisition of new model construction. Sentences are not just unions of words, because words are related to each other through syntactic rules. In the sentence operate a set of grammar rules.

Starting from our own experience in teaching English as a second language acquisition, we claim that grammar helps students understand the mutual relations of the sentences in a text or a paragraph. Through grammar, students express their thoughts clearly and accurately, in spoken or written discourse.

1.1. Study

In order to have a clear point of view of student's thoughts about the role of grammar in second language acquisition, we conducted a survey with them. This research highlights the importance of factors that affect the learning of grammar of a second language: the role of teachers, the role of students, approaches used in the teaching of grammar, learning the language for communicative purposes, etc.

1.1.1. Objectives

The main purpose of this study is to collect information, to reflect and highlight the students' thoughts and attitudes on grammar. Collection of accurate obtained data will serve our mission to change the curriculum based on students' requirements and expectations. The results will also help us to find the most effective methodological tools in learning the grammar of English as a second language.

1.1.2. Methodology

1.1.2.1 Participants

Four hundred (400) students participated in this survey. Participants were from different cities in Albania. Their mother tongue was

Albanian and studied English as a second language at the same time. Students had different language levels, ranging from beginner level, intermediate level and advanced level.

1.1.2.2. Instrument

The instrument was a self reporting questionnaire, which the students had to fill in. The scale of measurement used was a Likert scale, which required the one participant to express his level of agreement on 5 levels, the number for each level was considered the value of the answer provided. The total score of the answers were found through simple sum. This instrument meets the criteria of internal validity and construction.

This instrument meets the criteria of internal validity and construction. It meets the criteria of internal validity, as it contains all the features of the factors that influence grammar acquisition in second language and meets the criteria of validity of construction, since the instrument is based on theory and clear conceptions of factors that affect grammar acquisition. The instrument also meets the criterion of internal consistency, after all test items measure the same concept.

Each of the participants involved in the study were given a questionnaire. The first part of the work had to do with the explanation of each of the questions. The second part of the work related to completing the questionnaire. Within the questionnaire was also included another questionnaire, which sought general information about the students such as age, their general knowledge of the language, their language skills on English language, knowledge of another language besides English. After completing this questionnaire, the students had to fill out the questionnaire that was related to the importance of grammar in the process of English language proficiency.

The first questionnaire contained four (4) test items. The second questionnaire contained twelve (12) test items, which require a response from the students. Students had to fill in this list of questions with answers ranging from the lowest rate in the highest degree evaluation.

Through these questions, we could test their views on issues related to: the function of grammar in second language learning, the usefulness of teachers' explanations, the importance of practice in context, the role of grammar rules, the importance of grammar exercises, etc. After completing the questionnaire, we conducted a general discussion with the students about some of the issues contained in the questionnaire, which undoubtedly require further work and research.

1.1.2.3. Data analysis

Table 1.a Answers of high school students

Nr. of students 200	Q.1 (%)	Q.2 (%)	Q.3 (%)	Q.4 (%)	Q.5 (%)	Q.6 (%)	Q.7 (%)	Q.8 (%)	Q.9 (%)	Q.10 (%)	Q.11 (%)	Q.12 (%)
Strongly agree	100	50	100	60	50	100	80	70	70	85	100	30
Agree	-	30	-	20	40	-	20	30	30	15	-	20
Slightly agree	-	15	-	20	10	-	-	-	-	10	-	10
Disagree	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	40
I don't know	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Table 1.b Answers of university students

Nr. of students 200	Q.1 (%)	Q.2 (%)	Q.3 (%)	Q.4 (%)	Q.5 (%)	Q.6 (%)	Q.7 (%)	Q.8 (%)	Q.9 (%)	Q.10 (%)	Q.11 (%)	Q.12 (%)
Strongly agree	100	60	100	90	80	100	100	85	90	100	70	10
Agree	-	30	-	10	20	-	-	15	20	-	20	20
Slightly agree	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	10	10
Disagree	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	50
I don't know	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

At the end of the study we came to the conclusion that the grammar is an important subject by students, although they admit that its acquisition is difficult. Students claim that grammar helps them to commu-

nicate. They think that the acquisition of grammar must be combined with the practice of linguistic structures, because the exercises help in the acquisition of grammatical rules. Through questionnaire, the role of teachers emerges. The teacher plays a key role in the progress of the class. Students think of their grammatical errors' correction is very important, and thus require the assistance of teachers for their correction.

1.2 Conclusion

This study served to create a connection between linguistic theory of general pedagogical grammar and teaching practice. It is important to pay attention to students' attitudes and their viewpoints about a particular subject, as well as our practice of teaching, in order to make necessary changes in our programs to adapt the latter with expectations and needs of students.

Students pay great attention to the teaching of grammar, so they demand that grammatical rules be explained clearly by teachers. Grammar rules should be taught through various exercises in class. Involving students in such activities makes them feel more committed and responsible.

Studies and research with larger dimensions can be an important contribution to learning a foreign language. This questionnaire will serve to stimulate further discussion on the teaching of grammar. We believe that during the foreign language acquisition process, alongside other language knowledge, the grammatical knowledge has a very important role. The study of grammar helps students find and correct grammatical errors in language acquisition. The study of grammar and including in the teaching programs is very useful.

Conclusions about the practical importance that brings the teaching of grammar can be assessed only after considering how it is taught. Learning grammatical structures and word order plays an important role in the acquisition and improvement of language skills, especially in written language.

References

1. Corder, S. P. *Error Analysis and Interlanguage*. Oxford: Oxford University Press, 1981, p. 287.
2. Ellis, R. *Classroom and Naturalistic Acquisition*. *SSLA*, Vol. 11, 1989, p. 305-328
3. Krashen, S. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Oxford: Oxford University Press, 1982, p. 435.

4. Krashen, S. The Input Hypothesis: Issues and Implications. New York: Longman, 1985, p. 694.
5. Long, M. Does second language instruction make a difference? A Review of the Research. TESOL Quarterly 17: 1983, p. 359-382.
6. Newmark, L. How not to interfere in language learning. International Journal of American Linguistics. 32: 1996, p 77-87.
7. Pienemann, M. Psychological Constrains on the Teach ability of Languages. SSLA, 6 (2), 1984, p. 186-214.
8. Prabhu, S. Second Language Pedagogy. Oxford: Oxford University Press, 1987, f. 78-86.
9. Terrel, T. A natural approach to second language acquisition and learning. Modern Language Journal 61: 1977, p. 325-336

Appendix

The questionnaire

A. Questionnaire on participants' general information

1. How old are you?
2. How long have you been studying English?
3. You English level is:
 - a. Beginner;
 - b. Intermediate;
 - c. Advance.
4. Do you speak another foreign language, apart from English? (If yes, mention it.)

B. Questionnaire on the role of grammar in English second language acquisition

1. I think that the acquisition of foreign language is developed through the study and practice of grammar

- a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know

2. I like studying grammar

- a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know

3. The study of grammar helps you communicate fluently

- a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know

4. I think that it should be paid more attention to the teaching of grammar

- a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
5. The study of grammar helps the process of writing.
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
6. The acquisition of grammatical structures is realized only through detailed explanations of teachers
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
7. The study of grammar helps me achieve high results in English
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
8. The study of grammar slows communication skills
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
9. Correcting grammatical errors is important in the process of English acquisition
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
10. The study of grammar is the basis of communication
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
11. The study of grammar is difficult.
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know
12. The acquisition of English foreign language is realized through practice rather than learning its grammatical structures.
a. Strongly agree b. Agree c. Slightly agree d. Disagree
e. I don't know

**INTERPRETATION PROBLEM OF THE AESTHETIC
INFORMATION OF THE POETIC DISCOURSE**

N. Mongilyova

Статья о психической деятельности человека в процессе создания поэтического текста. Автор ставит вопрос, какие свойства поэтического текста заставляют получателя сделать выводы и оценки, которые явно сформулированы в тексте. Процесс актуализации смысла в сознании реципиента.

Ключевые слова: эстетическая информация, поэтический дискурс, семантическое пространство, поэтическая коммуникация.

The problem of poetic text interpretation character has been up-to-date because the answer to it is directly connected with the special features of this type of discourse which is a heterogenic unity: “author” – “reader” – “text”.

Research of aesthetic information of fiction and poesy definitely change the customary view on communication reflected in code model of Shannon and Weaver [1]. In this model the possibility of information reproduction on the distant end of the link exists due to the absence of noise disturbance on the link, effectiveness of (de)coding devices work and code identity. The existence of the whole complex of additional information, elicited from composition form, shows that poetic decoding cannot suggest the identity of author’s and reader’s codes.

Communication conditioned social practice explains the nature of transformation of the meanings in interaction model of communication worked out by D. Schiffrin. In accordance with its name this model puts forward interaction placed in social-cultural conditions of the situation as the main principle. According to the model communication may take place whether “the speaker” intends to do it or not and whether this utterance is intended on the perception of “the listener” [2. С. 398]. Communication is not like information translation and intention manifestation but like meaning demonstration which is not necessarily intended for identification and interpretation by a recipient.

In this situation of communication the information is distinguished between information given deliberately and information given unintentionally. If the first type information owes the participation in communication act to the speaker who selects these meanings, figures them and reports them in accordance with their intentions; the second type information owes the recipient – exactly their perceptivity, selectivity and ability to interpretation. This conditions asymmetry of the model: generation of meaning and its interpretation differ in both the methods of implementation of these operations and types of forms of cognition, perception, affect that take part in the operations.

Thus, the features of aesthetic information induces the recipient to illicit by themselves from the text the conclusions and estimations which are explicitly formulated in the text. In the model of poetic communication “author” – “reader” – “text” the element, which is the common link, the point of contact of aesthetic activity of the author and the reader is poetic text. Its structure, on the one hand, appears to be a motivated correlation between language expressions reflecting personal meanings of the author and, on the other hand, it exists for the recipient as the means of actualisation of their personal meanings.

The research of aesthetic and poetic functioning of the poetic composition discovers a new functional aspect of poetic discourse. Its existence is always intended when the question is about the aesthetic contents and aesthetic information included in the structure of a poetic text. It is shown as some new content-richness which occurs as the result of poetic function mechanisms and which we suggest to distinguish as the concept *semantic space*.

Traditionally, in the use of the term “space” [3; 4; 5] there are some rules: its function of new meaning creation, semantic penetration in the text, the existence of the text as semantic complex and number of contexts, and also the role of each element in creating a general idea of the text. Consequently, the term “space” may be used to characterise the process of semantic forming which is actualised by the structure of poetic discourse.

In the given research semantic space of poetic discourse is understood as determination of semantic relevancy of formal and semantic transitions which happen in recipient’s thinking where poetic structuring takes place.

The principle of parallelism, which is the first mechanism of poetic structuring, puts language expressions disparate in the language system in equivalent positions and brings them together according to

form equivalency. Formal equivalency inevitably causes the search of contents equivalency in the recipient's conscience. Additional meaning is not formed, but there its search takes place both in thesaurus of the reader and by means of attracting other text elements which are similar according to the same feature. The recipient seeks the basis for bringing together language expressions, motivates the process. This happens as the consequence regularity of thinking to lead the form and contents to mutual correspondence because the tendency to motivation, according to A.P. Zhuravlyov, is demonstration of universal dialectic regularity in symbolic world – the aspiration of contents and form to mutual correspondence [6].

Semantic space of “equivalent” and parallel poetic structures exists as the process of motivation of equivalent forms and positions in human conscience.

Recipient's aesthetic speech activity may be accompanied by both pleasure, realization of unicity of perceptible text and perception of “estrangement” (the term of V. Shklovsky). The second mechanism of poetic structuring, the principle of parallelism violation, violates reader's expectation caused by customary correlation of language elements in language system or fixed by the proportion of parallelism in the given text, so the appears the unexpectedness effect.

By its unpredictable influence the unexpectedness effect makes you review equivalencies motivated before, which actualises a new, higher motivation level. Such review causes forming semantic space of parallelism violation. In this case, semantic space is formed as the result of a new motivation level actualised by the unexpectedness effect.

If we consider poetic text as symbolic system mechanisms of poetic structuring, parallelism and its violation characterise the semantic part. Semantic space of poetic discourse is referred to the interaction of meanings at semantic level. Semantic value of structural correlations and their violation represent at figurative level separate features of one meaning correlated with author's aesthetic intention.

References

1. Kibrik, A. E. Linguistic background of language activity modeling // *Language activity modeling in intellectual systems*. M., 1987. P. 33–52.
2. Schiffrin, D. *Approaches to Discourse*. Oxford; Cambridge, MA, 1994.

3. Toporov, V. N. Space and Text // Text: semantics and structure. M.: Nauka, 1983. P. 227–284.
4. Petrenko, V. F. Psychosemantics of conscience. M.: Moscow university Publishers, 1988. P.208.
5. Nefedova, L. A. Cognitive activity aspect of implicative communication. Chelyabinsk: ChSU Publishers, 2001. P. 151.
6. Zhuravlyov, A. P. Phonetic notions. L.: LSU Publishers, 1974. P. 160.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОСЛОВИЦ С ЗООНИМАМИ В АНГЛИЙСКОМ,
НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Я. С. Плескачева

В настоящей статье сделана попытка проанализировать пословицы с зоонимами, выявить этимологические особенности животных в английской, немецкой и русской этнокультурах, а также рассмотреть проблему отражения культурных стереотипов в пословицах с зоонимами.

Ключевые слова: пословица, зооним, лингвокультурологический анализ пословиц.

Область изучения стереотипов восприятия зоонимов значима в связи с тем, что зоонимы представляют собой один из наиболее часто употребляемых в речи пластов лексики. Это делает возможным исследование зоонимов с точки зрения их функционирования и этимологического значения в пословицах разных языках.

В последнее время зоонимы исследовались во многих диссертационных работах. К ним можно отнести диссертационные исследования А. К. Сагинтаевой «Табу и эвфемизмы в системе зоонимов» (Алматы, 2003), Тишкиной Т.А. «Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ» (Казань, 2008). К. А. Добриковой «Бестиарий в национально языковой картине мира» (Челябинск, 2005).

Цель настоящей публикации – проанализировать стереотипы восприятия зоонимов представителями разных этнических групп в пословицах и фразеологических единствах. Данная цель подразумевает решение ряда конкретных задач:

1. Уточнить дефиниции таких понятий, как «пословица», «зооним» на основе изучения научной литературы;
2. Рассмотреть этимологическое значение фразеологических единиц и пословиц с зоонимами в культурах рассматриваемых языков.
3. Выявить лингвокультурологические особенности пословиц с зоонимами в английском, немецком и русском языках.

Объектом настоящего исследования послужили пословицы разных народов (около 250 единиц), отобранные из 13 словарей и энциклопедических источников на английском, немецком и русском языках.

Для лингвокультурологических исследований весьма актуальным представляется анализ устойчивых сочетаний, в составе которых имеются **зоонимы**. В основе экспрессивно-оценочной лексики можно выделить единицы, образованные путём метафорического переноса на основе названия животного – зоонима и служащие для образной характеристики человека. Зоонимы могут функционировать в качестве самостоятельных лексических единиц, могут также входить в состав различных фразеологических сращений, идиом, пословиц, поговорок, где они могут функционировать в качестве человекозначащих или вещьзначащих метафор: «мышинная возня», «ход конём», «собаку съесть» и др.

В первых письменных источниках любого народа есть неоднократно упоминание тех или иных представителей животного мира, метафорических сравнений героев этноса с различными животными. Названия этих животных часто связаны с народной и мифологической символикой. Корни этого явления уходят вглубь веков, когда племена поклонялись изображениям животных – тотемам. Отдельные животные стали олицетворять качества, которыми человек хотел бы обладать или от которых стремился избавиться, например: змея – символ мудрости, но также и олицетворение хитрости и коварства, медведь – символ силы и ярости, лиса – символ ума, хитрости и лицемерия и т.д.

Уступая животным в силе, ловкости и скорости, человек мог выжить только за счёт своего интеллектуального преимущества. Ему необходимо было не только знать повадки диких животных, но и передавать эти знания последующим поколениям, поэтому лексические единицы с компонентом зоонимом относятся к одним из самых древних, и, следовательно именно в них больше всего отражаются воззрения, традиции, обычаи того или иного народа.

«Сопоставительный анализ зоонимов представляет несомненный научный интерес, прежде всего для описания национальной языковой картины мира, ведь любое сравнение языков приводит к установлению трёх основных свойств: общих, сходных и отличительных» [2. С. 36]. Национальная картина мира проявляется в общих представлениях людей, принадлежащих к одному этносу, в их

однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках.

Особенности языкового общественного сознания накладывают свой отпечаток на фразеологические единицы любых языков и составляют национальный языковой характер народов. Именно поэтому, например, русские фразеологические единицы с зоонимами известны и понятны в большинстве своём носителям русского языка и гармонично входят в их мировосприятие как неотъемлемая часть общей картины реальности. В то же время для немцев и англичан они наполнены национальным колоритом и могут быть даже не понятны, например такие фразеологические единицы с зоонимами как: «бред сивой кобылы», «собака на сене», «телячьи нежности», «сонная тетеря» и др.

Так, если в русском языке гусь вызывает представление о важности и жуликоватости, то в английском и немецком эта реалия ассоциируется с богатством и глупостью, Ср.: русск.: «важный гусь», «экий гусь», «гусь лапчатый» (о человеке); англ.: «the goose that lays the golden eggs», «the older goose the harder to pluck», «as silly as a goose»; нем.: blode Gans – глупая женщина, «aussehen, wie die Gans, wenn es donnert».

Для начала следует уточнить сам термин **«пословица»**. Возьмём несколько дефиниций данного термина. В толковом словаре С.И. Ожегова даётся следующее определение: «пословица – краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм». Аракин пишет, что «под пословицами обычно понимают афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме». А. Н. Афанасьев писал, что «пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [1. С. 11]. А знание пословиц того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа.

В общем пласте фразеологических единиц и пословиц с зоонимом можно выделить три группы. Критерием данной классификации служит степень сходства – различия в представлении языковой картины мира. Единицы этой группы подразделяются по этимологии на библеизмы, например, англ. «the golden calf», рус.: «козёл отпущения», «Валаамова ослица» и т.д.; устойчивые

выражения, пришедшие из латинских и древнегреческих текстов, например, рус.: «рыба тухнет с головы», «Авгиевы конюшни», «собака на сене»; англ.: «a Trojan horse», «a dog in the manger»; нем.: «der Löwenteil», «weißer Rabe» и т.д.; заимствования из басен Эзопа или некоторых прецедентных текстов русских и английских писателей, например, рус.: «попрыгунья-стрекоза», «премудрый пескарь»; англ.: «very like a whale!», «mad as a March hare» и т.д.

Наряду с фольклористским, литературоведческим, собственно лингвистическим подходами к исследованию пословиц и поговорок в XX в. возник еще один – лингвокультурологический. «В основе лингвокультурологии лежит изучение кумулятивной (накопительной) функции языка, в которой язык выступает как хранилище и средство передачи внеязыкового коллективного опыта, а наиболее ярко они проявляются в пословицах и поговорках» [3. С. 108]. Лингвокультурологический анализ пословиц неразрывно связан с внешними факторами: с историей страны, ее культурой, бытом. Исследование пословиц в лингвострановедческом аспекте помогает уточнить, а в ряде случаев установить дополнительные смысловые оттенки пословиц с национально-культурной семантикой. Сравнение пословиц разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению.

«Обращение к миру животных в пословицах и поговорках разных стран – древняя традиция, связанная с промыслово-хозяйственной деятельностью, земледелием, охотой, рыбалкой, народными приметами, поверьями, средствами народной магии, лечением болезней. Не случайно многие зооморфные пословицы и поговорки имеют эквиваленты в разных языках, что объясняется совпадением в своей основе мысленного отображения реальной действительности у носителей разных языков и общих элементов культуры, так называемых культурных универсалий» [7. С. 14]. Это отражено в следующих пословицах: англ. “Don’t look a gift horse in the mouth”; нем.: “Einem geschenkten Gaul sieht man nicht ins Maul”; русск. «Дареному коню в зубы не смотрят»; или в пословицах: англ. “If you run after two hares, you will catch neither”; нем. “Wer zwei Hasen zugleich jagt, fängt keinen”; русск. «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

Чтобы выявить лингвокультурологические особенности пословиц в английском, немецком и русском языках, рассмотрим примеры пословиц с домашними животными, такими как кошка, собака, лошадь.

Кошка олицетворяла хитроумие, способность перевоплощения, ясновидение, сообразительность, внимательность, женскую злость. Эти почти повсеместные ассоциации имели различный символический вес и значение в древних культурах. И в «темное средневековье» и в самое безумное время охоты на ведьм, кошки изображались на картинах, на которых они занимаются своим стандартным кошачьим делом: служат предметом для поглаживания, шкуют с предметами обихода, дерутся с собаками и воруют еду с кухни. Последнее и отразилось во всех трёх пословицах исследуемых нами языков: “The cat shuts her eyes while it steals cream”/ Send not the cat for lard; “Die Katze weiss, wo sie genascht hat”; «Знает кошка, чьё мясо съела». Это означает, что людям свойственно закрывать глаза на свои прегрешения.

На протяжении многих столетий происхождение **собаки** не только связывали с высшими силами, но и обожествляли само животное. Есть много пословиц с зоонимом «собака», которые характеризуют поведение человека. Например, часто собака была битой. Данная характеристика коррелирует с устойчивым признаком «агрессивность», присущим собаке в отношении к человеку. К пословицам, отражающим эту особенность, относятся: “He that wants to beat a dog is sure to find a stick” / “Give a dog a bad name and hang it”; «Была бы собака, а камень найдется» / «Кому надо собаку ударить – тот и палку сыщет». В результате грубого отношения к самому животному, у объекта, над которым совершаются подобные жестокие действия, вырабатывается склонность к покорности, послушания, угодливости. Очень часто собака лает без причины, дабы «сотрясать воздух», облаивая всех прохожих подряд. В русской языковой картине мира собачий лай может ассоциироваться с клеветой, напраслиной, пустословием, ложью и сплетнями, что получило отражение в ряде пословиц: “The dogs bark, but the caravan goes on” / “The moon doesn’t heed the barking of dogs”; “Was kümert es den Mond, das die Hunde bellen?»; Собака лает, караван идет (ветер носит)”.

Во все времена **лошади** были предметом купли-продажи. Восточные ханы, владельцы чистопородных лошадей – кеглянов – не

могли позволить себе продавать своих великолепных скакунов. Их только дарили высоким гостям и друзьям. Возможно, отсюда и поговорка: “Don’t look a gift horse in the mouth”; “Einem geschenkten Gaul sieht man nicht ins Maul”; «Дареному коню в зубы не смотрят», которая означает, что неприлично выискивать недостатки в подарке. Возраст лошадей определяли по зубам, таким образом, «смотреть коню в зубы» означало узнать его возраст и, следовательно, цену. В русском языке весьма популярно простонародное выражение: «Ещё и конь не валялся», которое обозначает, что ничего еще не сделано и, что до начала дела еще далеко. Поговорка отражает русский крестьянский обычай давать лошади поваляться перед тем, как ее запрягать, – чтобы она меньше уставала во время работы. В английской поговорке “If wishes were horses, beggars would ride” (букв. «Будь желания лошадьми, нищие ездили бы верхом») выражаются национально-культурные особенности англичан – критичность и педантичность.

Рассмотрим примеры пословиц с дикими животными, такими как волк, медведь, заяц.

В разных культурах **волк** связан с пересечением границ, различными пограничными и переломными периодами или моментами. Например, переход от осени к зиме, а от зимы к весне. К этому времени относится обычно и разгул волков и соответственно частота обрядов против них. При первом выпасе скота не давали ничего взаимы, не пряли на святки, не передавали после захода солнца орудия ткачества и тому подобное – все это для того, чтобы волки не пожрали скотину. “Hunger drives the wolf out of the wood”; “Schlafendem Wolf läuft kein Schaf ins Maul”; «Волка ноги кормят». В средневековой Европе волки обитали в разорённых войнами городах, распространяли болезни. Животное стало олицетворять ненасытность, голод и лишения. И по сей день, в английском языке данный зооним реализует в первую очередь семы хитрость, жадность, злость, что также нашло отражение в немецкой и русской поговорке: “Who keeps company with the wolf, will learn how to howl”; “Bei wölfen und Eulen lernt man’s Heulen”; «С волками жить – по-волчьи выть».

В преданиях и сказаниях неоднократно утверждается, что **медведь** от человека отличается только шкурой: если же ее у него снять (отобрать), медведь и выглядеть будет, как человек: такие

же пятипалые кисти рук и ног, способность чувствовать радость и печаль, любовь к своим детям. Возможно, благодаря этому мифу и появилась следующая поговорка, которая присутствует во всех трёх языках: “Catch the bear before you sell his skin”; “Man soll die Bärenhaut nicht verkaufen, ehe der Bar gestochen ist”; «Не убив медведя шкуры не делая».

В универсальной символической системе **заяц** является символом плодovitости и олицетворяет возрождение, возвращение юности. В христианском образе зайца также реализует семы плодovitость и похоть. Белый заяц у ног Девы Марии означает преодоление плотского влечения. В английской, немецкой и русской поговорке данный зооним выступает в роли предмета охоты: “If you run after two hares, you will catch neither”; “Wer zwei Hasen zugleich jagt, fängt keinen”; «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». Данные поговорки имеют одинаковую внутреннюю и внешнюю форму, так как эти выражения пришли из латинского языка, и имеют общую этимологию.

В поговорках проявляется национальный менталитет, особенности быта, обычаев, истории и культуры. Национальная специфика поговорок наиболее ясно выявляется при сопоставлении разных языков. Известно, что англичане, русские и немцы – люди, живущие в разных социальных и природных условиях и имеющие разную историю, религию, нравы, принципы морали и психологию.

Проанализировав поговорки и поговорки с зоокомпонентом, основываясь на мифах и легендах о животных, можно сделать вывод о значении того или иного животного в разных народах, о его роли в жизни людей.

Совпадения, расхождения и специфика употребления зоонимов в поговорках английского, немецкого и русского языков, свидетельствуют о том, что языковая картина мира при её объективности и целостности является интерпретацией отображения мира, причём специфичной для каждого из языков.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. Происхождение мифа. М. : Высш. шк., 1996. 6–15с.

References

1. Afanas'ev, A. N. Proishozhdenie mifa. M. : Vyssh. shk., 1996. 6–15s.

2. Галимова, А. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 36с.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 108с.
4. Сагинтаева, А. К. Табу и эвфемизмы в системе зоонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2003. 29с.
5. Снегирев, И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М. : Librokom, 2010. 83с.
6. Соколов, Ю. М. Русский фольклор. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. 490с.
7. Телия, В. Н. Метафора как модель смысла производства и ее экспрессивно-оценочная функция. М. : Наука, 1986. 14с.
2. Galimova, A. V. Jetnokul'turnaja specifika zoonimicheskoj leksiki, harakterizujushhej cheloveka (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2004. 36с.
3. Gumbol't, V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. M., 1984. 108s.
4. Sagintaeva, A. K. Tabu i jevfemizmy v sisteme zoonimov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Almaty, 2003. 29s.
5. Snegirev, I. M. Russkie v svoih poslovicah. Rassuzhdenija i issledovanija ob otechestvennyh poslovicah i pogovorkah. M. : Librokom, 2010. 83s.
6. Sokolov, Ju. M. Russkij fol'klor. M. : Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 1941. 490s.
7. Telija, V. N. Metafora kak model' smysla proizvodstva i ee jekpressivno-ocenochnaja funkcija. M. : Nauka, 1986. 14s.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
В ПОНЯТИЙНО-ВЕРБАЛЬНОМ СОЗНАНИИ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ
МОЛОДЕЖНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР. ТИПЫ ДЕФИНИЦИЙ**

Ж. В. Фомина

В статье моделируется уровень субъектного потенциала концептосферы «возраст», то есть уровень лингвистического достояния, хранящегося в сознании индивида, в соответствии с результатами дефиниционного эксперимента, в котором приняли участие русские и американские подростки. В статье приводятся сравнительные характеристики возрастных концептов и типы дефиниций в понятийно-вербальном сознании носителей русской и американской молодежных лингвокультур.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; концептосфера «возраст»; молодежная лингвокультура; понятийно-вербальное сознание; дефиниционный эксперимент.

В современном языкознании существует тенденция устойчивого интереса лингвистов к изучению периферийных зон национального языка [4. С. 5], в частности живой естественной речи, ибо «непосредственное устное языковое общение продолжает оставаться важнейшей сферой функционирования языка», так как «разговорный язык – это в некотором смысле минимальная система национального языка». Изучение разговорной речи исключительно важно потому, что «разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи» [Цит. по: 1. С. 3].

Речь молодых людей отличается повышенной эмоциональностью, присущей этой возрастной группе. В связи с этим предметом нашего исследования стали реализация концептосферы «возраст» и выявление общего и специфического в образах сознания носителей русской и американской молодежных лингвокультур. В своем исследовании мы используем модель лингвокультурного концепта (модель разноуровневого языкового

воплощения), предложенную Г. Г. Слышкиным, которая включает уровни системного, субъектного потенциалов и текстовой реализации.

Уровень субъектного потенциала лингвокультурного концепта – это уровень лингвистического достояния, хранящегося в сознании индивида. Он предполагает большие запасы потенциальных значений слова для уровня системного потенциала, однако только очень ограниченное количество из этих значений может включаться в словарные значения языковых единиц [5. С. 49].

Уровень субъектного потенциала может воссоздаваться лишь экспериментальным путём. Для раскрытия субъектного потенциала концептосферы «возраст» нами был проведен дефиниционный эксперимент.

В психолингвистике существуют различные способы выявления специфики образов сознания носителей той или иной культуры. Дефиниционный эксперимент представляет собой важный способ выявления субъектного потенциала, как отдельного концепта, так и концептосферы в целом. Под дефинированием понимается определенный вид речевых действий, процесс, в котором раскрывается содержание понятия, а также устанавливается и уточняется связь языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка [2. С. 196]. Дефиниция понимается как приём, с помощью которого субъект стремится отыскать, уточнить, разъяснить значение знакового выражения в языке или расширить язык за счёт введения нового знакового выражения, рассматривая наряду с классификационными и интерпретационными признаками определяемого предмета [Там же. С. 68].

Материалом исследования послужили результаты дефиниционного эксперимента, который проводился с носителями русской и американской молодёжных лингвокультур в возрасте 12-18 лет методом анкетирования. Информантам были предъявлены анкеты, содержащие лексемы, которым нужно было дать определение. Все испытуемые – учащиеся общеобразовательных школ и студенты первых курсов ВУЗов г. Волгограда (Россия) и городов Arcadia (Аркадия), Temple City (Тэмпл-Сити) и San Gabriel (Сан Габриель) (штат Калифорния, США). В экспериментах приняли участие 200 человек – 100 русских и 100 американских испытуемых. Полученные ответы были проанализированы содержательно и статистически. При выборе участников соблюдались гендерная и возрастная пропорции.

Было составлено по три варианта анкет, в каждом из которых со-держалось по 5 лексем. В качестве определяемых лексических еди-ниц были взяты имена существительные абстрактные и предметные. Во всех анкетах содержалась просьба объяснить, что такое: *детство* – *childhood*; *юность, молодость* – *adolescence, juvenility, youth*; *зрелость* – *maturity*; *старость* – *senility, old age*. Так как в англий-ском языке существуют различные способы апелляции к концептам «юность», «молодость» (*youth, juvenility, adolescence*) и «старость» (*senility, old age*), американским респондентам были предложены все варианты для выявления различия значений между ними [6. С.113].

В русской молодёжной лингвокультуре при анализе лексемы *юность* 100% будут составлять 35 дефиниций, при анализе лексем *зрелость, детство* 100% составит 31 дефиниция и при анализе лексемы *молодость, старость* 100% составят 34 дефиниции.

В американской молодёжной лингвокультуре при анализе лек-сем *adolescence, senility* 100% составят 46 дефиниций и при ана-лизе лексем *childhood, juvenility, youth, maturity, old age* 100% со-ставят 27 дефиниций.

Анализ содержания ответов в предложенных анкетах был на-правлен на установление типов дефинирования в сознании носи-телей русской и американской молодёжных лингвокультур. В со-ответствии с принятой в работе моделью дефинирования все полу-ченные дефиниции были разбиты на следующие группы:

- 1) определение-описание;
- 2) оценочное определение:
 - а) оценочное определение с положительной эмоциональной окраской;
 - б) оценочное определение с отрицательной эмоциональной окраской;
- 3) хронологическое определение [Там же. С.114].

Рассмотрим каждую группу дефиниций подробнее.

1. Определение-описание.

Проанализированный материал показал, что данная группа де-финиций является самой насыщенной для носителей американ-ской молодёжной лингвокультуры. Определения-описания харак-терны для всех концептов, входящих в концептосферу «возраст», что составляет 64,7% от общего количества дефиниций, посвящён-ных концептосфере «возраст». Наиболее частотно данная группа

дефиниций представлена для концептов «старость», «зрелость» и «юность». Например,

senility – *when you are very old; something that has existed on the Earth for a long time; the mental & physical deteriorations often characteristic an old age;*

maturity – *when you act like an adult; you have to make important & right decisions; is an important thing because it shows how you act in public;*

adolescence – *when you are still young & don't understand a lot of things; someone small & still has a lot of time on their timer; growth from childhood to adulthood* [Там же. С.124, 120].

В русской лингвокультуре определения-описания характерны также для всех концептов – 40% от общего количества дефиниций, посвящённых концептосфере «возраст». Наиболее частотно данная группа дефиниций представлена для концептов «зрелость» и «юность». Например,

зрелость – *способность человека адекватно реагировать на внешние раздражители, трезво оценивать свои поступки и отвечать за них; когда тело ребенка уже полностью сформировалось во взрослого человека; определенный этап, на котором подросток начинает вести взрослую жизнь, происходят моральные и физические изменения;*

юность – *момент жизни, в который человек начинает формироваться как личность, окончательно и на всю жизнь; такой период жизни, когда ты можешь постигать новое, интересное, делать то, чего от тебя совсем не ждут; время, когда кажется, что тебе все под силу, когда поступки совершаются под действием эмоций* [Там же. С. 125, 120].

2. Оценочное определение

Данная группа дефиниций представлена наиболее интересно, поскольку респонденты определяют понятие возраста, оценивают ту или иную возрастную категорию относительно себя, исходя из своего личного опыта. Анализ материала показал, что оценочные определения можно разделить на две подгруппы: а) оценочные определения с положительной эмоциональной окраской; б) оценочные определения с отрицательной эмоциональной окраской.

Для русской лингвокультуры группа оценочных определений представлена наиболее ярко и характерна для всех концептов, вхо-

дящих в концептосферу «возраст», что составляет 52,1% от общего количества дефиниций, в том числе: а) оценочные определения с положительной эмоциональной окраской – 40,6%; б) оценочные определения с отрицательной эмоциональной окраской – 11,5%. Наиболее частотно оценочные определения с положительной эмоциональной окраской представлены для концептов «молодость», «юность» и «детство» [Там же. С.115]. Например,

молодость – это весна, счастье, любовь, когда ты ломаешь голову над всякой ерундой, потому что боишься сделать шаг в пропасть. Но между тем, молодость – это радость и избыток пока нереализованных идей;

юность – самая веселая, лучшая и безопасная часть жизни, пока ты ходишь в школу, период радости, влюбленности;

детство – самое беззаботное время; это прекрасная пора! все легко и просто в детстве, у тебя нет никаких проблем; это время, которое пролетает очень быстро, когда ты можешь не задумываться над тем, что ты делаешь [Там же. С.117].

Оценочные определения с отрицательной эмоциональной окраской наиболее частотно представлены для концепта «старость». Например,

старость – период жизни, когда подведены все итоги жизни, когда ты просто живешь и ждешь смерти; когда уступают место в общественном транспорте и называют «старой клячей»; это возраст, когда человеку трудно делать что-либо, когда он подходит к концу жизни [Там же. С. 126].

В американской лингвокультуре оценочные определения также характерны для всех концептов, входящих в концептосферу «возраст» – 31,2% от общего количества дефиниций, посвящённых концептосфере «возраст», в том числе: а) оценочные определения с положительной эмоциональной окраской – 17,2%; б) оценочные определения с отрицательной эмоциональной окраской – 14%. Наиболее частотно оценочные определения с положительной эмоциональной окраской представлены для концептов «юность», выраженного лексемой *adolescence*, и «детство». Например,

adolescence – when you are carefree, don't have wrinkles, didn't yet discover the world & your hair isn't grey or white; you constantly fall in love or hate someone; when you are young, laugh everywhere & don't think about death;

childhood – *happy memories, playing, always smiling; the funniest times of your life; was careless life & no problems; wonderful time* [Там же. С. 117, 119].

Оценочные определения с отрицательной эмоциональной окраской наиболее многочисленно представлены для концепта «юность», выраженного лексемой *juvenility*. Например,

juvenility – *bad, jaily, justice; being arrested when you are young for doing something bad or illegal; at first is juvenile delinquency & then a juvenile court; extreme bad behavior and habits* [Там же. С. 122].

2. Хронологическое определение.

Эта группа дефиниций основана на назывании возрастных периодов или указании конкретного возраста. В русской лингвокультуре хронологические определения представлены для всех концептов, входящих в концептосферу «возраст», что составляет 7,9% от общего количества дефиниций. Например,

детство – *первые 20 лет жизни; период жизни человека с 1 месяца по сегодняшний день; такое время в жизни от самого рождения до 13 лет; определенный период жизни человека примерно с рождения и до 18 лет;*

зрелость – *чаще всего это люди старше 20 лет; когда человеку от 28 лет; период жизни человека после детства до старости;*

старость – *период времени от 55 лет до самой смерти* [Там же. С. 116].

В американской лингвокультуре хронологические определения представлены для всех концептов, кроме концептов «старость», выраженного лексемой *senility*, и «юность», представленного лексемой *juvenility*, что составляет 4,2% от общего количества дефиниций, посвящённых концептосфере «возраст». Например,

childhood – *the time within 18 years of your birth; the time of being in school;*

adolescence – *a time in one's life, usually before 20 years old when you are young; is that you are very young like 6 or 70;*

maturity – *teenagers of 16-19 years old;*

old age – *someone 50 or older; age between 60-80 years old; 70 & up* [Там же. С. 116].

Для американской лингвокультуры уникально отсутствие на лексему *senility* группы хронологических определений, а также то,

что объяснение этой лексемы вызвало затруднения у 11 американских респондентов (24%).

Таким образом, в соответствии с принятой в работе моделью дефинирования полученные в ходе опроса дефиниции были разбиты на три группы: 1) определения-описания; 2) эмоциональные определения; 3) хронологические определения. В группе оценочных определений выделяются определения с положительной и отрицательной эмоциональной окраской.

В американской молодежной лингвокультуре для всех возрастных концептов доминируют определения-описания с ярко выраженной рациональной составляющей. Для русской лингвокультуры характерны оценочные определения с положительной эмоциональной окраской. Хронологические определения наименее актуальны для обеих лингвокультур.

Список литературы

1. Волошин, Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект): монография. Краснодар: Кубан. гос.ун-т, 2000. С. 3.
2. Коротеева, О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
3. Крючкова, Н. В. Концепт – Референция – Коммуникация / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: «ИП Баженов», 2009. 391 с.
4. Рюмин, Р. В. Лексико-семантическая организация молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Вологды): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004.
5. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакон-

References

1. Voloshin, Ju. K. Obshhij amerikanskij sleng: sostav, derivacija i funkcija (lingvokul'turologičeskij aspekt): monografija. Krasnodar: Kuban. gos.un-t, 2000. S. 3.
2. Koroteeva, O. V. Definicija v pedagogičeskome diskurse: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Volgograd, 1999.
3. Krjučkova, N. V. Koncept – Referencija – Kommunikacija / pod red. V. E. Gol'dina. Saratov: «IP Bazhenov», 2009. 391 s.
4. Rjumin, R. V. Leksiko-semantičeskaja organizacija molodežnogo zhargona (na materiale reči molodežhi g. Vologdy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovec, 2004.
5. Slyshkin, G. G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty:

цепты: монография. Волгоград : Перемена, 2004. С. 19–20.

6. Фомина, Ж. В. Концептосфера «возраст» в русской и американской молодежных лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

monografija. Volgograd : Peremena, 2004. S. 19–20.

6. Fomina, Zh. V. Konceptosfera «vozrast» v ruskoj i amerikanskoj molodezhnyh lingvokul'turah: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ЧАСТЬ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В АМЕРИКАНСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Дьякова Т.В.

Статья раскрывает понятие волонтерства и его значение в контексте современной американской жизни. Перечислены виды студенческой волонтерской деятельности, а также выявлены педагогические цели курса волонтерского движения в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: волонтерство, высшая школа, общественно-полезная деятельность, концепт.

Начнем с самого термина «волонтерство». **Волонтёрство**, или **Волонтёрская деятельность** (от лат. *voluntarius* – добровольно) – это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчёта на денежное вознаграждение [1].

Волонтерство является неотъемлемой частью жизни американцев. Приведем некоторую статистику. В США волонтерами являются свыше 26,4% взрослого населения (61,8 млн. чел.) Около 80% американских благотворительных организаций привлекают к своей работе волонтеров. В 2008 году 61,8 млн волонтеров осуществили своих услуг на 8 млн рабочих часов. Где трудятся волонтеры? Это, прежде всего: благотворительные некоммерческие организации, в том числе и корпоративные бизнес-программы, программы для пенсионеров, религиозные организации, волонтерские организации национального характера. Поскольку дух волонтерства прививается с детства, существуют и специальные детско-юношеские программы на базе школ, детских и юношеских клубов, молодежных ассоциаций [2].

Волонтерство поощряется и отражает глубокую «человеческую» натуру. К примеру, если перед приемной комиссией будет сидеть с одной стороны явный эгоист-отличник, а с другой яркий общественник, никогда нельзя сказать, кого из них примут в итоге в Американский университет. Скорее всего, предпочтение отдадут второму.

На некоторые специальности невозможно поступить при отсутствии «официального» волонтерского опыта за плечами, например, вы никогда не станете врачом. Очень многие стипендии в университетах также недоступны, если вы не были волонтером в течение какого-то времени.

Обратимся к волонтерскому движению, являющемуся частью учебного плана в сфере высшего образования. Сейчас все более распространенной становится волонтерская деятельность среди студентов высшей школы.

В американской высшей школе волонтерство является педагогической практикой, которая совмещает в себе академическое образование и предоставление услуг населению студентами для полного осознания студентами социальной значимости и ознакомления с социальной средой страны. С педагогической точки зрения, такая деятельность способствует пониманию нужд населения через практику и активное участие в жизни людей, нуждающихся в социальной помощи. Волонтерские курсы для студентов помогают не только ознакомиться с кругом проблем в конкретном регионе, но и применить полученные знания на пользу общества, развить умение мыслить и эффективно решать проблемы общества.

Обычно программы по оказанию социальной помощи населению студентами предполагают различные варианты локации. Волонтерская работа может осуществляться как в больших, так и в маленьких городах, пригородах и деревенской местности.

Вот перечень сфер, в которых может осуществляться студенческая волонтерская деятельность:

- social service (социальная служба)
- medicine and nursing (медицина и уход за больными)
- immigration (иммиграционная сфера)
- legal aid (бесплатная юридическая помощь неимущим)
- homeless service (служба для бездомных)
- prison ministry (тюремное служение)

- bookkeeping (бухгалтерия и счетоводство)
- community organizing (организация общественных работ)
- child care (охрана детства)
- agriculture (сельское хозяйство и земледелие)
- construction and housing rehabilitation (строительство и реабилитация жилья)
- teaching (преподавание)
- religious education (религиозное образование)
- social justice ministry (служба в сфере социальной справедливости).

Педагогические цели введения курса волонтерского движения в высшей школе:

1. Воспитание уникальных качеств в каждом студенте.
2. Осуществление междисциплинарного подхода.
3. Практическое применение полученных знаний.
4. Воспитание ответственности и независимости у студента.
5. Применение модели преподавания через опыт, компетенцию и сострадание.

Во многих современных колледжах и университетах в Америке сформированы специальные кафедры и факультеты, занимающиеся обучением волонтерству. Студент должен быть подготовлен как теоретически, так и морально для выполнения общественно-полезной работы (social service). Работа со студентами отлично развита. Данные подразделения университетов и колледжей инструктируют, морально готовят студента, а также снабжают необходимыми знаниями для осуществления социальной работы, назначают куратора и полностью контролируют процесс. В целях безопасности могут быть организованы коммуны для совместного проживания волонтеров в далекой местности, к примеру.

Студент вправе выбрать вид деятельности, наиболее подходящий его личностным предпочтениям и умениям. Вознаграждением для студента служат определенное количество кредитных часов по данному курсу. Таким образом, интегрированный курс волонтерской деятельности в американской высшей школе служит более глобальной цели, пробуждение гражданской ответственности, поощрение разнообразия и индивидуальной идентичности, а также служение обществу.

Необходимость существования подобных программ непосредственно связана с существующими американскими ценностями. Волонтерство способствует развитию и интеграции в личности таких концептов, как challenge (вызов или умение преодолевать трудности), appreciation and tolerance (поощрение и терпимость), individual identity (личностная идентичность).

Список литературы

1. Ожегов, С. И Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. С 94.
2. Волонтерство и благотворительность – опыт США // Pandia.ru (Энциклопедия знаний) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/805328/>.

References

1. Ozhegov, S. I Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. S 94.
2. Volonterstvo i blagotvori-tel'nost' – opyt SShA // Pandia.ru (Jenciklopedija znaniij) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.pandia.ru/805328/>.

ЯЗЫК МАРКЕТИНГА

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Л. М. Булдыгина, Н. Н. Равочкин

В статье рассмотрены основные проблемы социального страхования, выступающего в роли одного из приоритетных направлений по развитию корпоративной социальной ответственности. Выделены основные проблемы, обозначены пути решения социального страхования в России на современном этапе.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, социальное страхование, главные проблемы

Сложности, с которыми сталкивается отечественный бизнес в последнее время, предусматривают выработку особых подходов и инструментов. Одним из таких инструментов, призванных повысить эффективность бизнеса той (иной) организационно-правовой формы является совершенствование сферы социального страхования. В рамках данного исследования оно рассматривается как одно из важнейших направлений развития корпоративной социальной ответственности. Однако перед тем, как перейти к анализу неродственных проблем, имеющих место в данной сфере, необходимо разобраться в терминологии [1,4].

Советский энциклопедический словарь дает следующее толкование термину корпоративная социальная ответственность: «Корпоративная социальная ответственность – особенная концепция, согласно которой организация достигает поставленных целей лишь при условии учета интересов всего общества, беря на себя ответственность за все производственные, материальные, результаты своей деятельности».

В свою очередь, социальное страхование, согласно формулировке Архипова А.П., ставит своей главной задачей обеспечить ре-

ализацию права населения на адекватное материальное обеспечение в старости, а также в прочих случаях, прямо предусмотренных действующими законодательством.

В настоящее время тема корпоративной социальной ответственности, или как принято говорить в деловых кругах КСО, становится все более популярной в деловом сообществе.

О КСО говорят на самых важных мероприятиях, вопросам КСО посвящаются престижные международные форумы, о своей приверженности идеи КСО заявляет все большее число крупных российских компаний. Важно отметить, что среди основных причин, побуждающих компании уделять особое внимание вопросам социальной ответственности, можно выделить следующие:

- усиление механизмов государственного регулирования;
- растущие размеры и влияние компаний;
- «война за талант» – конкуренция компаний за персонал;
- все возрастающая роль нематериальных активов (репутации и брендов);
- глобализация и связанное с ней обострение конкуренции;
- популяризация общественно значимых проблем.

Социальная политика в ряде развитых странах с рыночной экономикой в качестве важнейшего атрибута, как это не удивительно, включает систему обязательного социального страхования. Ее роль и значение для социальной защиты населения являются основоопределяющим. И действительно, социальные, экономические функции социального страхования позволяют более рационально распределять финансовые и прочие ресурсы для работающих и членов их семей, оказывая, таким образом, необходимую социальную помощь в случаях наступления различных социальных рисков.

Анализ современной научной литературы по данной проблематике явно свидетельствует о том, что в том случае, если принципы социального страхования учитывают интересы всех заинтересованных сторон (работодателей, работников), то имеет место говорить о так называемых эффективных механизмах демократизации общества на основе правильного равновесного укрепления индивидуальной ответственности, а также общественной солидарности.

Необходимость изучения проблематики социального страхования важна по ряду причин. Так, например, социальное страхование не только обеспечивает социальную защиту трудящихся, но и

служит неким регулятором, механизмом социальных инвестиций. «Доходы» от данных инвестиций возвращаются в форме обеспечения качества жизни людей, формирования правильных установок к труду, стабильности в обществе, повышения квалификации работников, их профессиональной переподготовки [3].

На сегодняшний день социальное страхование входит в число основных прав человека, выступая одновременно одним из важнейших средств достижения социального согласия в обществе, содействуя, таким образом, участию всех социальных групп населения в жизни прогрессивного общества. Социальное страхование – важная и неотъемлемая часть социальной политики правительств на разных этапах развития экономики, которому отводится существенная роль (рис. 1).

Рисунок 1 - Состав современной системы обязательного социального страхования [2]

Для понимания того, насколько большими темпами развивается социальное страхование, стоит обратиться к данным Российского комитета статистики. Роль социального страхования в национальных системах социальной защиты является ключевой. Например,

в странах Европейского Союза (ЕС) объем финансирования социального страхования, направляемых на реализацию наиболее значимых проектов, варьируется в диапазоне от 16-25% ВВП, что является вторым по величине и значимости компонентом в затратах на рабочую силу после заработной платы (табл.1).

Таблица 1

*Показатели деятельности ФСС
(фонда социального страхования) в 2004-2010 гг. [1]*

Показатели	2004г.	2006г.	2008г.
Количество оплаченных дней временной нетрудоспособности на 100 работающих	824	824	878
Размер среднедневного пособия как доля средней дневной зарплаты, %	87	81	80
Количество оплаченных дней по беременности и родам на 100 работающих	276	254	244
Размер среднедневного пособия как доля средней дневной зарплаты, %	67	62	63
Количество оплаченных дней за детьми инвалидами, млн.	2,1	2,2	2,3

Понятно, что при всем многообразии мер и подходов, который в настоящее время реализуются в социальном страховании, нельзя не отметить ряд существенных проблем, которые сдерживают развития данного сектора. К их числу, в частности можно отнести:

1. Низкая степень финансовой устойчивости системы социального страхования, как такового (опережение расходов фонда над доходами);

2. Недостаточное обоснование расходов фонда: уровень выплат по

3. Основным рискам социальной сферы (инвалидности, старости, с утерей кормильца) существенно ниже, чем предусмотрено действующими международными нормами МОТ, в то же время выплаты в связи с временной

4. Нетрудоспособностью могут достигать порядка 100%;

5. Демографическая проблема: ежегодно доля экономически-активного населения неуклонно снижается.

6. Насущная проблема сохранения не страховых принципов ввиду отсутствия обоснованной зависимости величины выплачиваемых пособий от общего количества страховых отчислений.

Понятно, что без адекватной разработки действенных мер по поддержке социального страхования невозможно говорить об эффективности системы корпоративной социальной ответственности в целом.

Список литературы

1. Архипов, А. Социальное страхование. Учебник и практикум. М. «Юрайт». 2014. 388 с.
2. Коротков, Э. М. Корпоративная социальная ответственность. М. «Юрайт». 2013. 455 с.
3. Роик, В. Д. Социальное страхование в меняющемся мире. Каким будет выбор России? М. ; СПб. 2013. 352с.
4. Фонд социального страхования: [Электронный ресурс]. URL: <http://fss.ru/>

References

1. Arhipov, A. Social'noe strahovanie. Uchebnik i praktikum. M. «Jurajt». 2014. 388 s.
2. Korotkov, Je. M. Korporativnaja social'naja otvetstvennost'. M. «Jurajt». 2013. 455s.
3. Roik, V. D. Social'noe strahovanie v menjajushhemsja mire. Kakim budet vybor Rossii? M. ; SPb. 2013. 352s.
4. Fond social'nogo strahovanija: [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fss.ru/>

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПРИРОДА БРЕНДИНГА

Т. Е. Усова

В статье рассматриваются некоторые аспекты классического подхода к брендингу и особенности большинства брендов. Известные марки. Создание сильной потребительской лояльности направленной на любой бизнес. Любые изменения в целевом рынке требуют соответствующих изменений в концепции создания успешного бренда.

Ключевые слова: имидж, бренда лояльность потребителей, целевой рынок, концепция бренда, маркетинговые стратегии.

Создание и поддержание успешных брендов является сердцевиной стратегии маркетинга.

Бренды – наиболее ценные активы компании, влияющие на ее репутацию и доходы.

Успешный брендинг требует стратегического подхода, при котором сильная концепция бренда направлена на целевой сегмент рынка, что способствует созданию благоприятного имиджа бренда.

Можно посмотреть на процессы, включенные в успешный брендинг с двух позиций: с позиций концепции брендов, что относится к деятельности корпорации (brand concepts) и с позиции имиджа бренда (brand images), который формируется в сознании потребителя. Этот процесс смоделирован de Chernatony и Dall’Olmo Riley в 1997 г. Чрезвычайно важно, чтобы и теоретики и практики имели четкое понимание сущности и взаимовлияния этих двух процессов.

Приняты 6 стадий развития бренда. Первые четыре представляют классический маркетинговый подход к брендингу, тогда как 5 и 6 стадии: Brand as a company (бренд как компании) и Brand as a policy (бренд как политики) представляют постмодернистский подход. Анализируя рынок, становится очевидным, что не все бренды проходят все стадии, тем не менее очевидна необходимость реагирования на потребительские изменения и на важность двустороннего взаимодействия.

Стадия 1. Unbranded goods (небрендовые товары)

Эта стадия характеризуется превышением спроса над предложением, что типично для развивающихся стран и редко встречается в развитых экономиках.

Производители не прилагают усилий сделать свои товары отличительными и потребительское восприятие этих товаров чисто утилитарное.

Стадия 2. Brand as a Reference

Конкуренция стимулирует производителей делать свою продукцию отличительной. Они начинают использовать “brand names”, что позволяет потребителям не только достигать утилитарных целей, но и получать некое удовольствие от владения или использования подобных товаров. Потребитель может выбрать уровень качества, который соответствует его бюджету и предпочтениям.

На этой стадии целью менеджмента является позиционирование бренда, как имеющего определенные функциональные достоинства (benefits) с тем, чтобы дифференцировать их от конкурентов.

“Brand name” регистрируется и защищается юридически.

Идентификация требует, чтобы потребитель знал лишь название бренда, а возможность отличать от других брендов требует определенной информации о бренде.

Большинство авторов подчеркивают, что «бренд» является гарантией качества для потенциальных потребителей.

На этой стадии в памяти потребителей формируются ассоциации с определенным брендом.

Келлер определяет brand knowledge как сочетание ‘brand awareness’ и ‘brand image’. Первый характеризуется узнаванием, второй – формированием отношения к продукту.

На этой стадии акцент маркетологов делается не только на функциональную полезность товара, но и на удовольствие, которое при этом испытывает потребитель.

Такие авторы как Holbrook и Hirschman ввели термин 3Fs (fantasies, feeling, fun), имеющие ключевое значение при принятии решения о приобретении того или иного продукта. Итак, маркетологи на 2 стадии заняты так называемым “brand positioning process”, который формирует восприятие бренда vis-à-vis конкурентов.

Стадия 3. Brand as Personality

На этой стадии потребителям предлагают огромное количество брендов. Технологический прогресс делает затруднительным поддер-

жание функциональных преимуществ. Чтобы выделить свои товары, маркетологи делают акцент на эмоциональную привлекательность бренда. Ценность бренда становится самовыражением потребителя.

Бренды используются разными культурами для выражения определенных принципов и установления культурных категорий.

Людей можно классифицировать на основании выбранных ими брендов.

Богатые ездят на Roll Royce's. Для них это не просто средство передвижения, это символ роскоши и статуса.

Являясь потребителями, отдельные люди внутри социальной группы используют известные бренды для передачи сигналов другим людям о себе, которые в свою очередь истолковывают эти сигналы и формируют отношение к ним.

Бренды добавляют ценность, заставляя потребителей быть лояльными к определенному товару (customer loyalty) и побуждая их платить больше за брендовые товары.

Стадия 4. Brand as Icon

На этой стадии бренд становится символом. Удачно созданные символы (icons), используемые на протяжении десятилетий, ассоциируются с качеством, престижем, статусом и т.д.

Звезда в круге – символ Мерседес, орел – символ Харли Дэвидсон, красно-белая упаковка сигарет – символ Мальборо и т.д. Выбранный символ создает определенное восприятие бренда во всех странах. Повсюду Nike – символ спортивных побед, Harley – определенный образ жизни.

Новый бренд может войти сразу в любую из перечисленных стадий. Все зависит от желания менеджмента тратить деньги и немалые усилия на создание бренда как символа.

Стадия 5. Brand as Company

На этой стадии потребители более активно вовлечены в процесс создания бренда. Они желают взаимодействовать с продуктом или услугой для создания дополнительной ценности этого бренда. Примером может служить сеть магазинов «Икеа», где потребители участвуют в процессе создания дизайна из модульных единиц, в процессе выбора ткани, в самостоятельной сборке мебели и т.д.

Подобные взаимодействия укрепляют связи потребителя с компанией.

Стадия 6. Brand as Policy

Немного компаний вышли на эту стадию, которая отличается гармоничной связью компании с этическими, социальными и политическими аспектами жизни. Наиболее известными примерами являются The Body Shop и Benetton.

Итак, различные брендовые типологии показывают, как концепции брендов меняются в течение времени, следуя за целевым рынком.

Новый бренд может войти сразу в любую из перечисленных стадий. Все зависит от желания менеджмента тратить деньги и немалые усилия на создание бренда как символа.

Список литературы

1. Холбрук, М. Постмодернистское исследование потребления. Изд-во Sage Publications, 1992.
2. Хиршман Е. Аспекты потребительского потребления / Е. Хиршман, М. Холбрук. Изд-во Sage Publications, 1995.
3. Энали М. Эволюционная природа брендинга. 1999.

References

1. Holbruk, M. Postmodernistskoe issledovanie potreblenija. Izd-vo Sage Publications, 1992.
2. Hirshman E. Aspekty potrebitel'skogo potreblenija / E. Hirshman, M. Holbruk. Izd-vo Sage Publications, 1995.
3. Jenali M. Jevoljucionnaja priroda brendinga. 1999.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ БУДУЩЕГО

А. А. Селютин

Что ждет нашу систему образования в ближайшем будущем? Какие образование будут получать наши дети? Будут ли преобразования в средней и высшей школе значимыми для нашей науки и профессиональной сферы? Эти и многие другие вопросы занимают сейчас умы педагогов и ученых по всей стране.

Ключевые слова: система образования, модернизация, стандарты образования, высшая школа.

*«Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен»
Конфуций*

Российская система образования переживает сейчас не самые лучшие времена. Во многом благодаря тому, что нет четкого понимания конечной цели, к которой мы должны прийти в итоге всех реформ и преобразований. Вроде бы мы хотим отказаться от старой, советской, системы и внедрить западные образовательные модели, но не до конца. А как их совместить, если сам принцип, подход, структура разная? И начинаются различные оговорки, полумеры. А в итоге – хаос и неразбериха.

Естественно, все это отражается и на самих учебных заведениях: не секрет, что сейчас правительство проводит политику ограничений в сфере высшего образования, направленную на формирование нового статуса высших учебных заведений, который будет ориентирован на объединение нескольких вузов в один крупный (федеральный/национальный) университет, внедряются практико-ориентированные образовательные программы и т.п.

Конечно, можно говорить, что трансформация университетского образования обусловлена экономическими изменениями в обществе и информационной революцией, что важным критерием для оценивания современных университетов становится не уровень подготовки выпускников, а предложения работодателей, лежащие в основе существующих рейтингов профессий. И в итоге

существующая система знаний – основа университетского образования – все больше приобретает инструментальный характер, появляется все больше прикладных специальностей.

Еще одной заметной чертой современных университетов можно назвать национальную пестроту студентов, когда возможность учиться в любом отечественном университете стала доступна не только для нашей молодежи (благодаря ЕГЭ), но и для иностранных студентов, число которых тоже заметно увеличивается, и привлекать которых даже рекомендуется администрации вуза (один из критериев при аккредитации – наличие контингента иностранных учащихся). А в результате – размывается национальная составляющая аудитории и университет постепенно перестает быть инструментом формирования национального сознания.

Но это не все изменения, которые претерпевает сейчас высшая школа. В законе об образовании появились такие понятия как сетевое и электронное обучение, которое может быть использовано на всех уровнях образования. Структура университета дублируется в социальных сетях. Но только те его отделы, которые непосредственно связаны с работой со студентами: профилакторий, ОРСП, профком, общежитие, странички институтов, факультетов, кафедр. Отсутствуют такие службы, которые имеют сугубо официальный характер и ориентированы на формальное поддержание структуры университета: бухгалтерия, отдел кадров. Т.е. расширение границ университета, его корпоративной культуры неизбежно связано со студенческой средой, которая очень активно, как лакмусовая бумажка реагирует на все новое.

Традиционное понимание корпоративной культуры включает в себя следующие компоненты:

- 1) принятая система лидерства (иерархические отношения);
- 2) действующая система коммуникации (горизонтальные и вертикальные связи);
- 3) положение индивида в организации (традиции, нормы и правила поведения);
- 4) принятая символика (лозунги, ритуалы, табу и т.п.).

Но что происходит с этими компонентами, когда они теряют под собой материальную почву в виде личного присутствия в определенном месте и непосредственного контакта с участником комму-

никативного акта, как это происходит в виртуальной реальности? Эти компоненты начинают трансформироваться.

Взять ту же самую адаптацию, на которой первокурсник узнает основные правила поведения, свои возможности, обязанности и т.п. «нужную» информацию о том месте, в которое он пришел учиться. А что узнает онлайн студент о вузе?

Постоянная ротация кадров, возросшая мобильность студентов и преподавателей, доступность дистанционного образования и тому подобные факторы приводят к размыванию представлений о задачах университета и появлению различных, во многом противоположных мнений о назначении высшего образования.

1. Американский профессор Шелдон Ротблатт, автор статьи «Будущее не ждет» полагает, что дальнейшее развитие университетов можно предугадать на основе трендов, наблюдаемых в настоящее время. Так, например, ученый считает, что в XXI веке сохранится тенденция на распространение массового высшего образования, которое опирается на новые образовательные форматы (онлайн обучение) [5].

2. Луиза Морли в статье «Образ университета будущего», указывая на радикальные изменения, которые произошли в последние годы в системе высшего образования из-за экономического кризиса и динамических социальных трансформаций, приходит к выводу, что сейчас эта система находится на перепутье между гипермодернизмом и архаизацией. Т. е. с одной стороны сверхмобильность породила новые формы общественной и организационной коммуникации, когда преподаватель и студент не обязательно должны находиться в одном пространстве для осуществления образовательного процесса. В качестве примера Морли приводит характерный вопрос «зачем при таком ускорении темпа жизни читать книги, если можно узнать краткое содержание из википедии». С другой стороны, университет, будучи одним из старейших институтов общества, тяготеет к традиционным ценностям и зачастую склоняется не к новым а к архаичным формам (до сих пор сохраняется лекционная форма изложения материала). И будущее в развитии университетов Морли видит в двух направлениях: развитие мегауниверситетов (Дальневосточный федеральный университет) с разбросанными по всему свету филиалами [2].

3. Никола Стандар в статье «Двигаясь к сетевому университету» анализирует трансформацию организационной модели вуза. Он говорит о том, что секуляризация общества, возникновение различных политических, религиозных и общественных течений, которые выступают своего рода заказчиками различных образовательных структур, меняет образ современного образовательного учреждения, которое становится похожим на сетевую фирму [6].

4. Джон Никсон в статье «Университеты и общественное благо» утверждает, что университет будет приносить пользу обществу лишь в том случае, если заново продумает смысл обучения как такового (например, позволит студентам реализовывать собственные интересы и не платить за учебу). Он также полагает, что задача университета только давать знания, но и включать молодых людей в академическое сообщество, в том числе студент должен быть вовлечен в принятие административных решений, участвовать в развитии университета. И наконец функция университета – устранение барьеров, препятствующих студентам международной мобильности [3].

5. В статье Яна Машеляйна и Мартена Симонса «Университет: общественная проблема» большое значение уделяется описанию характера взаимодействия профессора и студентов. Процесс обучения, по мысли авторов, необходим не для формального продвижения студента к диплому, а для того, чтобы каждая лекция или семинар становились подлинной встречей преподавателя со студентом. А сам университет перестал быть формальной институцией и начал выполнять свою главную задачу – прививать навык и вкус к размышлению. Можно процитировать Гумбольдта: «профессор приходит в университет не ради студента, как и студент приходит в университет не ради профессора, оба находятся в нем ради истины» [1].

6. И наконец, статья Михаэла Питерса и Гаретта Гьетзена «Социализм знания: общедоступность интеллектуальных благ и принцип открытости университета» посвящена описанию уникального проекта «открытый университет 3.0», появление и осуществление которого возможно благодаря развитию новейших технологий, предоставляющих открытый доступ к курсам и учебным программам (онлайн-ресурсы) [4].

И это только одни из немногих современных исследователей, которые задумываются о роли и миссии университета будущего,

о его назначении в развитии современного общества. Их мнения во многом разнятся, но общее в них одно. Университет будущего – это не здание. Университет будущего без стен.

References

1. Masschelein, J., Simons, M. The University: A Public Issue. Pp. 165–177.
2. Morley, L. Imagining the University of the Future. Pp. 26–36.
3. Nixon, J. Universities and the Common Good. Pp. 141–152.
4. Peters, M. A., Gietzen, G., Ondercin, D. J. Knowledge Socialism: Intellectual Commons and Openness in the University. Pp. 187–201.
5. Rothblatt, Sh. The Future isn't Waiting // Barnett, R. The Future University: Ideas and Possibilities. N.-Y. ; London, 2012. P. 15–25.
6. Standaert, N. Towards a Networked University. Pp. 87–100.

АННОТАЦИИ

Афанасьева В. В. An allusion to the Bible in the genre of short story (in English language)

The article is focused on functioning of the stylistic device of allusion, in particular allusion to biblical facts. Short stories by English and American writers serve as the material of the study. We turn to the examples of allusion both in the position of the title of the story and in the text itself trying to give proper interpretation of the effect created by employing this stylistic device.

Keywords: stylistic device, emotive prose, short stories, title, interpretation, linguistic analysis, allusion to biblical facts.

Buldygina L. M., Ravochkin N. N. Social Insurance as One of the Areas of Corporate Social Responsibility: Challenges, Trends, Prospects

The article deals with the main problems of social insurance, in its capacity as one of the priorities for the development of corporate social responsibility. The main problems are identified solutions to social security in Russia at the present stage.

Keywords: corporate social responsibility, social insurance, the main problems

Elona Ndoci. The Question of “Fidelity” and “Transparency” to Describe Ways of Translating

Glushkova N. M. The importance of the gender aspect of the linguistic-cultural model «friend» in Spanish contemporary literature

The article deals with the theoretical basis of connection between the notions “language and cultural type” and “gender”, and also with the peculiarities of the expression of the language and cultural type “Friend” in Spanish literature. In the course of analysis we single out a number of characteristics for the examples of friendship between representatives of one and two different genders.

Keywords: language and cultural type, gender, gender aspect.

Dyakova T. V. Volunteering as a part of curriculum in American institutions of higher education

The article touches upon the notion “Volunteering” and its meaning in terms of contemporary life of the American society. The article enumerates diverse kinds of voluntary activities, and reveals pedagogical goals of Volunteering course in institutions of higher education in the USA.

Keywords: volunteering, high school, public benefit activities and concepts.

Fomina Zh. V. Comparative analysis in conception-verbal consciousness of Russian and American youth linguistic cultures’ bearers. Definition types

The subject potential level of concept sphere «age» (i.e. the linguistic property level keeping in individual consciousness) is modeled in our research according to the results of the definition experiment, which Russian and American teenagers took part in. In this article there is a comparative analysis of concept spheres «age» and types of definitions in Russian and American youth linguistic cultures.

Keywords: linguistic cultural concept; concept sphere «age»; youth linguistic culture; conception-verbal consciousness; definition experiment.

Karpova Ju. N. Foreign language as a means of spiritual and aesthetic development of the individual civil servant

The article deals with the problem of spiritual and aesthetic development of a future civil servant and offers as one of the possible means integration of a foreign language course with aesthetics and artistic culture, as they are a source of knowledge about the world, help to expand spiritual and aesthetic knowledge of students. Spiritual development of a future civil servant through the arts is an integral part of aesthetic education.

Keywords: professional training, education, competence, spiritual and aesthetic development, integration, art.

Kolchina T. F. The length, demonstration speed and time as the temporal characteristics of the film titles’ text

The article deals with the temporal characteristics of the film titles’ text and their peculiarities in the American and Russian language cultures in synchronic aspect.

Keywords: film text, film titles, language culture, the length of the film titles, demonstration speed of the information.

Mongilyova N. Interpretation Problem of the Aesthetic Information of the Poetic Discourse

The article is about the mental activity of the perceiving person in the process of the poetic text comprehension. The author raises the question what properties of the poetic text prompt the recipient to make conclusions and evaluations which are explicitly formulated in the text. The process of actualization of the meaning in the recipient's mind.

Keywords: aesthetic information, poetic discourse, semantic space, poetic communication.

Nikiforova Je. Sh. Conventional Politeness Tactics as One of the Indicators of Trial Discourse Symbolism

The article deals with the presentation of conventional politeness tactics. The author emphasizes the fact that it is treated in the capacity of one of the indicators of symbolism, which is a major feature of trial discourse - a type of professional communication. The present work discusses the ways of realization of the mentioned above tactics in Russian, Kazakh and American linguistic cultures. The author believes that common features are attributed to basic functional characteristics of trial discourse and aims of professional communication, whereas differences – to ethnic and culturally specific features.

Keywords: conventional politeness, tactics, symbolism, trial discourse, linguistic culture.

Pleskacheva Ja. S. Linguistic and cultural features of proverbs with toonami in English, German and Russian languages

The present study attempts to analyze proverbs with zoonyms, to reveal their etymological value in English, German and Russian ethno-cultures and to examine the problem of cultural stereotypes in proverbs with zoonyms.

Keywords: proverb, zoonym, lingvocultural analysis of proverbs.

Salihov A. Ju. Typology of discourse. Discourse talk-shows

This article is dedicated to approaches to discourse typology, particularly, by such scientists as T.V. Anisimova, V.I. Karasik et al. As talk

shows affect points of view of large numbers of people, discourse thereof ought to be analyzed in order to understand the mechanism of action. It appears reasonable to study talk show discourse as institutional discourse (according to V.I. Karasik): type participants, chronotope, goals, values, strategies, genres, precedent texts and discourse formulas.

Keywords: typology, discourse, institutional discourse, talk shows.

Seljutin A. A. Reflections on the future of the university

What will happen with our education system in the near future? What education will get our children? Will there be changes in the middle and high school important for our science and professional spheres? These and many other questions now occupy the minds of educators and scientists across the country.

Keywords: education system, modernization, education standards, high school.

Suzana Samarxhiu (Gjata), Aida Kurani. A case study on the role of grammar in English second language acquisition

The main aim of language is communication. The latter is a function of social and human interaction. One of the features that distinguish human beings from other beings is the ability to communicate at a structural level and through formal use of language. Language is not a simple objective reality, and therefore the study of language in any aspect or its components is seen as necessary. In one of the many aspects of language study, we mention its historical aspect, because the laws of language development can only be understood if they are studied in relation to the society, the history of the people, who are the creator and owner of this language. Given the view that language is the basic factor for the expression of perception, feeling, thought and judgment, learning, its cultivation and development should be understood not only as a need or intercommunication tool, but also as an essential factor for the proper development of linguistic competence, personality, consciousness and cultural and social identity. Language is realized through grammatical structures (morphology and syntax). The grammar of a language exists whether we notice it or not. Language is a set of rules as union of words in the sentence is not carried out through an arbitrary combination, but according to a regulatory system that has any language. Our aim is to present students' views on the importance of

grammar in second language acquisition. It is noted that the teaching of foreign languages in favor of the development of communication skills leads to a lack of students' knowledge on grammar.

Sidorenko A. V. Terminology baby games (based on materials of «Dictionary of the Soviet childhood»)

This article analyzes the child's terminology is used in the active outdoor games. The author examines terms and set expressions are not fixed dictionaries, in the context of their use.

Keywords: baby talk, terminology, «Dictionary of Soviet childhood».

Sirivlya M. A, Korol N. N. Linguistic and Cultural Competence in the Paradigme of Social Development

The article of Sirivlya M.A. and Korol N.N. is dedicated to the definition of the linguistic and cultural competence of speakers of Russian in passive vocabulary using. The problem of understanding of outdated words, determination of the level of the understanding, and the methods of interpretation of the outdated vocabulary meanings by modern speakers of Russian language are also studied.

Keywords: linguistic and cultural competence, passive vocabulary, outdated vocabulary, archaisms, historicisms, process of obsolescence, interpretation.

Usova T. E. The Evolutional Nature of Branding

The paper considers some aspects of classical approach to branding and comments upon major stages most brands go through to reach potential customers. Powerful brand names create strong consumer loyalty any business is aimed at. Any changes in target market require corresponding changes in the concept of creating a successful brand.

Keywords: brand image, consumer loyalty, target market, brand concept, marketing strategy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Dr. Aida Kurani – Lecturer ‘Aleksander Moisiu’ University, Durres, Albania.

kuraniaida@hotmail.com

Dr. Suzana Samarxhiu (Gjata) – lecturer ‘Aleksander Moisiu’ University, Durres, Albania.

smrxh@yahoo.com

Elona Ndoci MA - University “Aleksander Xhuvani” Elbasan Faculty of Humanity.

Афанасьева Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Степна Разина, 26.

vrhappy@mail.ru

Булдыгина Любовь Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы Кемеровского государственного университета.

650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

srimss@mail.ru

Глушкова Надежда Маматкуловна – аспирант кафедры английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.

454000, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129.

Glushkova_nm@mail.ru

Дьякова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

tatyana_dyakova@yahoo.com

Карпова Юлия Николаевна Карпова Юлия Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», Нижний Новгород.
603155, Н. Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12.
mskarпова@inbox.ru

Колчина Татьяна Федоровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Волгоградской государственной академии физической культуры.
400005, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 78.
tkolchina84@mail.ru

Король Наталья – студентка направления подготовки Филология Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
Костанай, ул. Бородина, 168 а.
sima-all@yandex.ru

Монгилева Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
Костанай, ул. А. Байтурсынова, 47.
natmong@rambler.ru

Никифорова Эльмира Шавкатовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранной филологии Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова.
Костанай, ул. А. Байтурсынова, 47.
n.e.sh_1975@mail.ru

Плескачева Яна Сергеевна – старший преподаватель Московского государственного университета путей сообщения.
127994, Москва, ул. Новосущёвская, 22.
pleskacheva-yana@yandex.ru

Равочкин Никита Николаевич – преподаватель кафедры истории и психологии Кемеровской государственной медицинской академии.

650029, Кемерово, ул. Ворошилова, 22 а.
nickravochkin@mail.ru

Салихов Александр Юрьевич – аспирант, переводчик ООО «Симвэлл».
salikhovalexander@gmail.com

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.
454000, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129.
blind11@yandex.ru

Сидоренко Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры русского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.
453103, Стерлитамак, ул. Ленина, 47 а.
korabliki-x@mail.ru

Сирипля Мадина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
Костанай, ул. Бородина, 168 а.
sima-all@yandex.ru

Усова Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель Тульский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.
300000, Тула, пр. Ленина, 53 б.
usova.te@mail.ru

Фомина Жанна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградской государственной академии физической культуры.
400005, Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 78.
zhannafomina@yandex.ru